Каменев

Очередные задачи ПАРТИИ

ЕН141
О 987

Л. КАМЕНЕВ.

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ПАРТИИ.

„НОВАЯ МОСКВА“
1923.

Л. КАМЕНЕВ.

ЕН 141
О 987

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ПАРТИИ.

2 экз

„НОВАЯ МОСКВА“
1923.

Отпечатано в 13-й тип. „Мосполиграф"; „Мысль Печатника"; Москва, Петровка, 17, в колич. 5000 экз. Главлит № 8709.

ЕН141
0987
~~Б ф 1465~~ 4072 с.1

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№ (1514)
БИБЛ

1058403

Доклад на первом заседании II-го С'езда Компартии Грузии 14-го марта 1923 г.

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ПАРТИИ.

Товарищи, мне предстоит сделать вам доклад о работах последнего Пленума Центрального Комитета нашей партии и о тех предложениях, которые мы имеем сделать собирающемуся через короткое время Партийному Съезду. Задача Партийного Съезда—подвести итог годовому опыту и наметить директивы на предстоящий год. Прошлый Пленум Центрального Комитета занялся этими, именно, вопросами. Товарищи, заседавшие на Пленуме Центрального Комитета, обсуждали конкретные вопросы порядка дня Партийного Съезда, а через несколько дней после закрытия Пленума появилась статья тов. Ленина, который, несмотря на то, что он по болезни лишен был возможности входить в близкий контакт с непосредственной работой уже в течение нескольких месяцев, сумел в своей статье дать общие перспективы задач, стоящих перед партией и, с другой стороны,—общую характеристику момента, которая лежит в основе всех решений последнего Пленума и—я твердо уверен —ляжет и в основу предстоящего Партийного Съезда. Поэтому, позвольте мне начать свой доклад краткой характеристикой тех положений, которые перед нами поставили эти статьи тов. Ленина.

Для того, чтобы правильно решить стоящие перед нами вопросы—вопросы о политике нашей относительно крестьянства, вопросы о политике нашей в деле восстановления народного хозяйства, наконец, вопросы в деле нашего национального, партийного и государственного строительства,—мы должны определить и правильно решить центральную проблему, стоящую перед партией, с открытыми глазами взглянуть на действительное положение дела и прежде всего ответить на один вопрос, который является загадкой для всех наших врагов и на неправильном решении которого основываются многие заблуждения некоторых членов нашей партии. Основная и кардинальная задача заключается в том, чтобы понять сущность диктатуры пролетариата в России, на чем зиждется диктатура рабочего класса в Союзе Республик, стоящих под знаменем Советской власти. Естественно было-бы искать на этот вопрос ответа в указании на то, что диктатура пролетариата зиждется на диктатуре крупной промышленности. И вы знаете, что господа меньшевики, именно, на том основывают свои контр-революционные надежды, что весь второй и двухсполовинный интернационалы, именно, на том строят свои расчеты на наше падение, что они на вопрос о диктатуре пролетариата в России отвечают, что эта диктатура не может опираться на диктатуру промышленности. Удельный вес промышленности в общем нашем народном хозяйстве мал, и поэтому она должна в тот или другой момент...—вы знаете, что они на счет моментов очень много ошибались, и поэтому теперь не рискуют предсказывать моменты нашего

падения,—но они уверены, что мы провалимся в ту пропасть, которая разверзается между политикой диктатуры пролетариата и слабостью нашей крупной промышленности в общем учете нашего народного хозяйства. Было бы, товарищи, большой ошибкой, если бы из желания противоречить нашим врагам мы стали бы утверждать то, чего нет в действительности, а действительность нам говорит, что, несмотря на все наши усилия по восстановлению крупной промышленности, роль ее в народном хозяйстве всех Советских республик далека от того значения, которое дало бы возможность утверждать, что у нас есть диктатура промышленности, господство крупной индустрии над всеми остальными отраслями народного хозяйства. Этого нет. Вреднее всего в политике принимать то, чего мы желаем, к чему стремимся, за то, что есть в действительности. Надо глядеть действительности в глаза и сказать тем, кто думает, что промышленность наша достигла такого уровня, который является базой диктатуры пролетариата в Советских республиках, что это утверждение не соответствует действительности. Тогда где же искать нашей действительной опоры, не той, к которой мы хотим притти, создавая и развивая промышленность, а той, в которой мы работали вчера, работаем сегодня, будем работать завтра, именно до того момента, когда соединенными усилиями власть и пролетарии воссоздадут и поднимут на высоту крупную промышленность республик? Я думаю, что правильный ответ на этот вопрос заключается в том, что диктатура наша зиждется на том, что фабрично-

заводскому пролетариату, воспитанному десятилетиями революционной борьбы, сплоченному в образцовую Коммунистическую Партию, удалось завоевать, удержать и укрепить прежде всего свой союз с крестьянством, и, во-вторых, что этому пролетариату удалось поставить себя в такое положение относительно угнетенных наций бывшей Российской империи, что ему обеспечено сочувствие и содействие всех угнетенных национальностей. Эти два момента—союз пролетариев с крестьянством и доверие бывших национально угнетенных, неполноправных наций к тому строительству, которое ведет Советская власть—являются для данного переходного периода опорой диктатуры пролетариата и основным камнем в фундаменте Советской власти. Тов. Ленин в своей статье, именно, так разрешил эту проблему. С присущей ему смелостью мыслей тов. Ленин поставил этот вопрос и дал нам возможность разрешать все конкретные задачи, исходя из правильной перспективы. В статье, которая напечатана 25 января, т. е. 2 месяца тому назад, тов. Ленин писал: «В нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которым теперь допущены на известных условиях и нэпманы, т. е. буржуазия. Основная задача состоит в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол между этими двумя классами, т. е. между рабочими и крестьянами, и предупреждать их, ибо в последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с ра-

бочим классом или же она даст новой буржуазии внедриться между рабочими и крестьянами».

Продолжая ту же мысль в статье, которая напечатана за два, за три дня до нашего отъезда из Москвы и которая получена здесь вчера или позавчера, тов. Ленин развивает эту мысль, придавая ей еще более конкретную формулировку: «Мы,—пишет он,—стоим, таким образом, в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разрозненности до тех пор, пока западно-европейские страны завершат свое развитие к социализму, и, продолжает он, мы должны проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства». И дальше: «Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, сохранили бы доверие крестьян по отношению к себе». Мне думается, что это положение, центральное для характеристики политического и социального содержания нашего строя, дает действительно твердую марксистскую основу для решения любых возникающих перед нами конкретных вопросов. Мы, однако, должны отдать себе отчет, что эти мысли отнюдь не являются для всех бесспорными, что в известных, очень узких кругах возникают мысли о том, что раз наше государство должно в своей политике больше всего считаться, для сохранения власти, с громадной массой другого класса—крестьянства, то, быть

может, при этом будут принесены в какой-либо степени в жертву интересы того класса, единственного класса, на который мы опираемся,—класса рабочих—пролетариата, и вся та оппозиция, которая по временам вспыхивает в нашей партии,—если эту оппозицию не рассматривать только, как склоку, как недовольство определенных групп, что, конечно, есть,—но если попытаться проанализировать, обобщить те или иные теоретические и социальные основания этой оппозиции, то легко будет убедиться, что именно смутная мысль о том, что рабочий класс и государство Советское не вполне покрывают друг друга и не вполне совпадают, что государство принуждено считаться с крестьянством для сохранения Советской власти до момента, когда придут миллионные армии западно-европейского пролетариата; до этого момента каждый свой шаг должно сочетать с крестьянством и так маневрировать, чтобы постоянно удерживать за собой миллионную массу крестьянства—другого класса,—как пишет Ленин,—хотя и объединенного в борьбе и против царизма, и против господства буржуазии, и против помещиков,—вот эта мысль, что рабочее государство не вполне покрывает рабочий класс, она есть в основе своей—мысль меньшевистская, которая, однако, не всегда находит достаточно сопротивления и достаточно борьбы в наших кругах, в кругах нашей собственной партии. Не нужно представлять, что тот меньшевизм, с которым мы имеем дело теперь, есть давно известный меньшевизм 93—95 годов. В ходе революционной борьбы изменились мы, изменился и меньшевизм.

Единственная мысль, которая теперь является определяющей, как для меньшевизма, так и для всех контрреволюционных социалистических партий, эта основная мысль заключается в том, чтобы расширить пропасть между властью, государственным аппаратом и рабочим классом, как таковым, чтобы противопоставить Советскую власть, считающуюся с миллионами крестьянской массы, чтобы противопоставить эту власть рабочему классу, как таковому. И все те сомнения и все те частичные лозунги, которые всплывают по временам и в области професс. движения, и в области страхования и т. д., сводятся к тому, что государство не целиком отражает интересы классовые. Все надежды меньшевизма, все надежды на наши крушения сводятся к тому, чтобы расширить и раздвинуть эту щель. И нужно понять эту основную мысль нынешнего меньшевизма для того, чтобы проследить, какими иногда чрезвычайно странными и косвенными путями мысль эта начинает проникать на периферии нашей Партии. Я здесь обращаюсь к одной из самых старых частей Российской Коммунистической Партии, к той части, которая перенесла длительную борьбу с меньшевизмом, к тому пролетариату, который имеет грандиозную заслугу, и поэтому считаю, что мы должны здесь не упиваться парадными фразами о том, что все обстоит благополучно, а прикоснуться к тем болячкам, которые есть и наблюдаются. Нужно сказать, что те тенденции, о которых я говорю, не получили точного оформления. Но тенденции эти есть. Если партия их сразу не заметит, если пролетариат не прощупает их,

то болезнь тогда может развиться и мы можем получить соответствующие группы. Передо мною платформа, озаглавленная: «Современное положение РКП и задачи пролетарско-коммунистического авангарда Партии»—платформа, которая, к сожалению, не подписана, но достаточно сильно распространена в партийных кругах и которая, несомненно, исходит из тех элементов, которые находятся внутри нашей партии. Правда, я знаю, что в настоящее время, как вам известно, распространяются листки и заявления, которые играют именем Компартии или именем преданных коммунизму рабочих для того, чтобы вносить разложение в наши ряды, которые, на мой взгляд, представляют подделку под коммунистов, провокационные выходки врагов, пользуясь именем коммунистов, чтобы разлагать нашу партию. От наших врагов мы можем ожидать всего, но, к сожалению, относительно этой платформы нельзя сказать, что это есть подделка. Она исходит, очевидно, из среды близкой к партии. Я не могу, к сожалению, прочесть целиком эту декларацию, но я укажу на некоторые основные моменты, тесно связанные с той постановкой вопроса, которую дает Ленин и к которой примыкает ЦК РКП.

Отмечая ряд болезней у нас в партии,—а то, что болезни у нас есть, это ни для кого не секрет и никто этого отрицать не будет, и мне придется в конце поговорить подробно об одной нашей болезни, которой страдает наша партия и, в частности, тот отряд ее, перед которым я сейчас говорю,—эта платформа специально отмечает и такую болезнь, которая

характерна не для партии, а именно для авторов этой платформы и всего их умонастроения. Они упрекают партию в том, что некоторые члены партии «не умеют различить тактики партии от основной ее цели и ставят сохранение власти, как самоцель». Этот упрек, что мы стремимся удержаться у власти и это ставим себе самоцелью, если вы в него вдумаетесь, вы целиком получите меньшевистскую формулу. Именно меньшевики говорят, что для Коммунистической Партии период героической борьбы, когда захват власти был для них этапом к коммунизму, этот этап пройден, и теперь Коммунистическая Партия держится за власть, за государство, только как самоцель, имеет задачей сохранить власть, во что бы то ни стало. Авторы этой платформы явно представляют все те элементы нашей партии, для которых власть является тяжелым бременем. Можно понять их психологию. Да, нести власть в эпоху непосредственного восстания рабочих, в эпоху непосредственного строительства коммунизма, это величайшая радость, это задача, которую, без всякого сомнения, поднимет всякий революционный рабочий. Но нести бремя власти в стране, которая объемлет 140 миллионов населения совершенно различной культурности, в эпоху замедления коммунистического движения в Западной Европе, в эпоху, которая может продлиться несколько лет,—это гораздо сложнее! Нам приходится бесконечно маневрировать, нам приходится присутствовать при частичном восстановлении в той или иной форме старых буржуазных отношений, несмотря на то, что они отвратительны для каждого

коммуниста. Конечно, не все смогут выдержать этого испытания, и вот, авторы этой платформы говорят: «Центр тяжести рабочей партии должен быть перенесен из государственных органов в самодеятельные органы трудящихся: в профсоюзы, кооперативы, культурно-просветительные кружки и т. д. Необходимо открыть действительно широкий беспрепятственный доступ беспартийным, вообще, беспартийным интеллигентам, в частности, на наши советские должности, в том числе и на выборные. Речь в данном случае идет о том, чтобы уничтожить «монополию» коммунистов на ответственные места, чтобы партбилет потерял свое «монопольное» значение». Вы видите, товарищи, теперь,—я недаром сказал, что сожалею о том, что не могу приписать эту декларацию меньшевикам или эсерам. Вы видите, что здесь есть известная система политики, тактики и стратегии, решительно противопоставленная политике, стратегии и тактике, которые выдвинуты тов. Лениным и на которых стоит Центральный Комитет. Политика, стратегия и тактика тов. Ленина заключается в том, что он говорит: «Товарищи, нужно прямо глядеть истине в глаза, не думайте, что нам нужно продержаться два месяца, для того, чтобы разразилась мировая коммунистическая революция. Она придет несомненно, за это говорит весь наш опыт. Она идет великолепно, но не так, как мы ждали, не в такой срок, как мы думали. Нужно помнить еще, что нам надо продержаться в условиях, когда крупная промышленность находится в упадке и только начинает медленно возрождаться, и

партия пролетариата сможет продержаться постольку, поскольку вы завоюете доверие миллионных масс крестьянства и поскольку половина населения России, состоящая не из великороссов, будет иметь доверие к той власти, которая центр свой имеет в Москве». Этому противопоставляется платформа, которая говорит: Из государственных органов управления центр партийной работы должен перейти в органы культурно-просветительные, кооперативные, в профсоюзы. Не лучше ли нам отказаться от «монополии» на советские должности и пустить туда беспартийную интеллигенцию? Тогда мы, по крайней мере, сохраним чистоту и не будем себя грязнить ни уступками мелкой буржуазии, ни тем, что сажаем товарищей Чичерина или Мдивани рядом с грязнейшими представителями мирового империализма. Не лучше ли уйти в профсоюзы, в кружки, и проводить чистую линию, а власть сдать беспартийным интеллигентам?

Это была бы особая политика и она может прикрываться левыми лозунгами. Если бы в партии были такие группы и так думали, то они работали бы против коммунизма, отделяя государство от пролетариата. Те, кто так говорит,—они осуществляют мысль меньшевиков. Это единственный путь, который может расстроить нашу армию, но это можно преподнести под очень левым знаменем, и понятно, что вся эта система соответствует взглядам меньшевиков, которые хотят фактически уничтожить диктатуру партии в государстве. Эта меньшевистская политика может быть,

однако, прикрыта чрезвычайно левыми лозунгами, критикующими всякие компромиссы и упрекающими партию в крестьянофильстве.

Есть товарищи, которые считают своевременным предупреждать партию против крестьянофильского настроения. Конечно, это очень левая платформа, но нам надо выбирать между платформой, которая говорит, что нам необходимо удержать власть путем закрепления доверия крестьянства, или платформой людей, которые кричат о крестьянофильском настроении.

Я позволю себе привести следующие слова тов. Ленина. Он говорит: «Только тогда, когда мы путем жесточайшей экономии средств соберем крохи, чтобы, при нашей бедности, поставить крупную промышленность», когда мы их будем собирать изо дня в день, из года в год, «тогда только мы будем в состоянии пересесть с одной лошади на другую: с лошади крестьянской, мужицкой, обнищавшей—на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат,—на лошадь крупной машинной индустрии».

Вот ясное положение. Мы, как партия, как государство, иначе говоря, как пролетариат, организованный в государство, принуждены ехать на мужицкой, крестьянской, обнищавшей, плохо везущей лошади. Такого пролетарского рысака, который есть электрификация, крупная машинная индустрия, организация громадных масс пролетариата на дымящих фабриках и заводах,—этого рысака мы еще не имеем и не можем пересесть на него, потому что его надо подкормить, он еще маленький жеребенок.

Пересадка будет! Но тот, кто сказал бы: «Я не хочу сейчас ехать на мужицкой лошади, не хочу прослыть крестьянофилом, хочу ехать на чистокровном пролетарском рысаке», тот разобьет наш советский воз и подготовит то, что на место Советской власти придет другая.

Вот к чему приводит попытка, якобы с левым знаменем подойти к основным положениям современного момента, которая на деле разрушает диктатуру пролетариата и приводит к чисто ликвидаторским выводам.

Задача Центрального Комитета и всей Партии заключается в том, чтобы этой тенденции, как бы она ни называлась, будет ли она выступать под именем защиты рабочих, или будет она выступать под именем критики и недовольства крестьянофильским настроением в наших центральных парт. органах, дать отпор. Разберем любой партийный вопрос с этой точки зрения. Конечно, знамя внутри партийной демократии весьма важно. Вероятно, и на Партийном Съезде раздадутся голоса, призывающие отказаться от переброски, мобилизации и дисциплины,—как они выражаются—железной дисциплины Партии. Все это легко уживается с партией, которая отходит с позиции государственной власти на позицию работы в кружках, культурных общественных и т. п..

Действительно, там этого не надо. Для пропаганды нам не нужна железная дисциплина, не нужны те методы, которые нам необходимы, поскольку мы не пропагандистские кружки, а являемся Партией, управляющей 140.000.000 населением в неслыханно труд-

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марк[illegible]изма
при ЦК КПСС

ных условиях. Если вы идете по линии превращения нас в пропагандистский кружок, то, действительно, нам мало нужны дисциплина, переброски, мобилизации. Но если вы не хотите превратиться в эти кружки, если вы понимаете, что нашей задачей является удержание власти не на несколько месяцев, а на ряд годов, тогда Партия должна вынести это бремя, удержать обручи дисциплины, остаться боевым отрядом, а не кружком пропагандистов и агитаторов. И тогда критика эта становится только прологом, только подходом к тому, чтобы разлагать нашу Партию.

Таким образом, товарищи, эти общие предпосылки о классовом строении Советских республик, о взаимоотношении классов и о том, к чему ведет малейшее отступление от основных начал, ставят перед нами основные вопросы. Первый вопрос—пролетариат и крестьянство, второй вопрос—государство и национальности, третий вопрос—партийный аппарат и советский аппарат. Предпосылки к решению всех этих вопросов даны в том анализе классовой структуры нашей власти и того, где мы ищем в данный момент этой опоры, который я сейчас перед вами проделал.

Вопрос: «пролетариат и крестьянство» в данный момент фигурирует в порядке дня Съезда под названием «налоговая политика в деревне», но безразлично, под каким бы названием мы ни поставили этот вопрос, ибо, если мы с вами условились, что классовые отношения таковы, что удержание нами власти зависит от наших отношений с крестьянством, мы должны отдать себе отчет в том, где наш ближайший аппарат,

который является проводником, связующим звеном между городом и деревней—это есть налоговый аппарат. Вы знаете, что в эпоху военного коммунизма взаимоотношения между городом и деревней должны были регулироваться плановым государственным снабжением. Излишки, которые получались у крестьянства в хозяйстве, по плану, выработанному в обще-государственном масштабе, должны были от крестьянина отниматься и итти в город и там по такому же плану распределяться; с другой стороны, все, что производил город, по плану должно было перекидываться в деревню и там по плану же должны были снабжаться крестьянские массы. Вот та система, которая должна была регулировать отношения между городом и деревней: коммунистическая или слабее—социалистическая, или еще слабее—полу-социалистическая система распределения и снабжения. Вы знаете, товарищи, что мы принуждены были от этого отказаться, и в этом заключался первый шаг к отказу от того типа отношений между городом и деревней, который получил свое выражение в продразверстке и плановом распределении продуктов городской промышленности. Это оказалось—здесь, среди партийных, товарищи, можно сказать,—это оказалось нам не под силу. И, почувствовав, что на этой задаче мы можем сломиться, мы пошли другим путем, мы от этого плана отказались, перешли к продналогу, т.-е. к праву крестьянина распоряжаться свободно при помощи рынка своими излишками за исключением того, что он уплачивает государству. Это был первый шаг к НЭП'у к возрож-

дению буржуазных и мелко-буржуазных отношений, поскольку они совместимы с Советским строем и поскольку им допускаются. Они развиваются, как из зерна, из одного права, права крестьянина продавать излишки хлеба, и поэтому НЭП является не уступкой капитализму и буржуазии и т. д., а является способом установления новых дружественных отношений с массой крестьян. Что дал продналог вместо продразверстки? Он дал политическое успокоение крестьянства, восстановление «союза», который к началу 21 г., несомненно, трещал и мог быть нарушен, если бы партия не проявила достаточной гибкости и политического чутья. И для двух лет, которые прошли с этого времени, эта новая политика обеспечила спокойствие крестьянства, прекращение по всей России более или менее значительных или даже мало значительных выступлений крестьянства и, с другой стороны, обеспечила нам в городах такое количество хлеба, которого мы никогда не могли собрать при продразверстке. И экономически, и политически эта мера, а, следовательно, и вся новая экономическая политика была целиком оправдана. Но мы были бы последние ослы, если бы сказали: раз два года крестьянство выражало удовлетворение отношениями между городом и деревней, мы можем спокойно жить. Нет, эта мера, судя по всему, что воспринимается центральными органами, уже начинает терять свое значение, успокаивающее крестьянство и укрепляющее союз пролетариата и крестьянства. А мы знаем, что такое союз пролетариата с крестьянством, как важ-

но то, что неумные люди называют крестьянофильским настроением и что на самом деле есть внимательное отношение к тому, что делается в крестьянской среде.

Крестьянство начинает испытывать тягость и от объема продналога и от тех форм, в которых он взимается. Мы, переходя к денежной системе хозяйства, принуждены были, кроме продналога, наложить на крестьянство целый ряд налогов денежных. И крестьянство оказалось в положении, когда оно имеет дело с несколькими аппаратами, взимающими с него налог натуральный и денежный, оно оказалось в положении, когда крестьяне не знают, какая сумма налогов может быть с них потребована государством, и когда у них не может быть никакого расчета в своем хозяйстве. Эта болезнь нащупана. Партия должна была домогаться: что мы можем сделать для улучшения положения крестьянства, что мы можем сделать для того, чтобы намечающаяся легкая трещина от тяжести продналога и сложного метода взимания его и от отсутствия у крестьянина расчета, что мы можем сделать, чтобы этой маленькой щели помешать превратиться в большую расщелину. Поэтому, мы поставили на съезде вопрос о нашей политике в деревне, как один из важных вопросов, и Центральный Комитет, обсуждавший этот вопрос, нашел, что в нашем арсенале есть еще такие политические методы, которые могут в данный момент опять восстановить этот союз, который чуть-чуть начинал давать трещину, который начинал нас беспокоить. Прежде все-

го—объединение налогов. Крестьяне должны иметь один налог, они должны знать его размеры заранее, в начале хозяйственного года, они должны быть уверены, что, если им весной предъявили какой-то налог, то этот налог исчерпывает их обязательства на целый год и никто не может притти, чтобы этот налог дополнить каким-нибудь новым налогом. Но этого мало. Крестьянство должно получить облегчение путем замены части натурального налога.

Наша задача в области хозяйства заключается в том, чтобы от натуральной формы налогов перейти к форме денежной. Когда государство собирает в условиях НЭП'а миллионы пудов хлеба, оно должно производить громадные затраты на сбор хлеба, на его распределение, на то, чтобы хозяйственно этот хлеб направлять. Когда наше государство к 1-му января закончило сбор продналога, без всякого применения тех принудительных мер, которые принимались раньше, когда оно собрало сотни миллионов пудов больше, чем при продразверстке, мы стали хозяевами запаса, которым государство, промышленность, Красная Армия, железнодорожники и т. д. должны быть обеспечены на год. Кто скажет, что умно поступил тот хозяин, который получил несколько миллионов пудов хлеба, сложил их в амбары и потом в течение 12 месяцев из этого амбара выдает? Мы должны так распоряжаться этим хлебом, чтобы от этого народного добра получать прибыль. Мы не можем хранить эти сотни миллионов пудов, не имея возможности оборнуться. Государство должно получить более свобод-

ную возможность маневрировать. Оно должно притти к тому, чтобы получать этот налог в форме легкореализуемой. Но если бы мы попытались к этому перейти, то быстрый переход от продналога к денежному налогу при не установившейся денежной единице, какой является наш рубль, был бы прыжком в неизвестность, ибо, хотя мы и господствующая партия и партия диктатуры, но есть одна вещь в России, которая нас не слушает, и, сколько бы приказов мы ни давали советскому рублю, он этих советов не принимает. Беда заключается в том, что этот рубль мы не можем ни засадить в ЧЕКА, ни выслать заграницу. Нам нужно с ним жить. Переход от натурального налога к денежному должен быть совершаем медленно и постепенно. Первый шаг мы должны сделать этой весной. Этот шаг партия сделает. Она скажет крестьянству: в тех районах, в которых расход по сбору продналога слишком высок, всюду, где крестьянству легче перейти на оплату своих повинностей государству деньгами, мы это проведем. И это, несомненно, будет громаднейшим облегчением для целых районов. Мы дальше скажем: продналог и все те денежные налоги, которые вы обязаны нести, мы их объединяем в один, и вы будете иметь дело не с двумя-тремя аппаратами—Наркомпродом, Наркомфином и местными представителями власти,—а с одним аппаратом, который скажет, сколько крестьянин должен уплатить за год, и даст ему возможность произвести правильный расчет своего хозяйства. Можем ли мы пойти дальше и значительно понизить ту тяжесть,

которая лежит на крестьянстве? Пока-что мы этого сделать не можем. Некоторое ослабление будет произведено, но не нужно обманываться и думать, что мы можем в этой области пойти далеко. К сожалению, глубочайшая хозяйственная разруха, которую мы имеем, как результат войны и белогвардейского наступления, не дает нам возможности пока это сделать. Но есть и то, что партия должна дать крестьянству и в чем она ему может помочь. Я, к сожалению, не знаю, какая у вас цена на хлеб, и извиняюсь за это перед вами, ибо я здесь всего несколько дней и вместо того, чтобы знакомиться с этими вопросами, был занят другими, менее приятными делами, но положение в России таково: главной причиной тому, что сельское хозяйство и промышленность, а, следовательно, и все народное хозяйство переживает сейчас кризис, служит непомерно низкая цена на крестьянский хлеб. Каждый ребенок еще помнит, как мы голодали, а в этом году мы имеем такие низкие цены на хлеб, которые не дают крестьянству никакого интереса к расширению его посева, не дают возможности ему стать потребителем городских товаров и заставляют нашу промышленность держать те запасы, которые у нее имеются, потому что они не могут быть потреблены в деревне. Низкие цены на хлеб являются тормазом для нашего хозяйства. Где выход из создавшегося положения и как преодолеть его? Вы знаете, что в связи с продналогом у нас посевная площадь уменьшилась на 50 проц. Новая экономическая политика вызвала как раз обратное явление, ибо она заинтересовала

крестьянство. Это главный показатель того, что мы попали в живой нерв. Она повысила посевную площадь. Но теперь низкая цена на хлеб заставляет удерживать этот хлеб и создает вновь тенденцию к понижению посевной площади. Только в восстановлении вывоза хлеба и в завоевании новых рынков для России, для крестьянского, мужицкого хлеба можно найти выход. Партия должна приложить все силы к тому, чтобы были завоеваны вновь эти рынки. Мы стали на этот путь. Правда, мы встретили громадное сопротивление со стороны американцев, которые захватили все те рынки, которые находились раньше в руках России. Эту задачу нам будет осуществить нелегко, но разрешить ее необходимо. Надо сделать нашу промышленность доступной для крестьян, чтобы крестьянин получил возможность и стал приобретать и мануфактуру, и керосин, и сахар, и спички, чего он до сих пор не мог делать, мы должны сейчас осуществить ту задачу, чтобы крестьянин стал снова потребителем, для этого необходимо будет провести много мероприятий. Срыва монополии внешней торговли мы допустить ни в коем случае не можем. Мы не можем допустить, чтобы при вывозе хлеба за границу мы стали вновь в кабальную зависимость от банкирских и купеческих фирм Европы. Надо сохранить монополию и быстро двинуть экспорт крестьянского хлеба за-границу. Это есть одна из основных задач со стороны госаппарата и партии. Сейчас всякий экономический вопрос есть политический вопрос. У нас остались еще вопросы чисто политического характера,

но большею частью в области внешних отношений, внутри же мы уже добились того, о чем мечтал тов. Ленин несколько лет тому назад, что вопросы нашей экономики стали в нашей работе на первый план. Вопросы экспорта, налоговой политики и т. д. есть разрешение кардинальнейшего политического вопроса о сохранении диктатуры пролетариата.

Перехожу к следующему вопросу. Другие аппараты, при помощи которых наша диктатура приходит в соприкосновение с деревней,—это наши государственные органы управления. Это вопрос о том, как поставить те органы управления, которые идут вниз и в лице которых крестьянство видит Советскую власть, каков состав тех людей, которые работают на местах, которые являются жизненным и реальным воплощением Советской власти. Этот вопрос поставлен тов. В. Ильичем на первую очередь и здесь опять-таки тов. Ленин, несмотря на его оторванность, с гениальнейшей чуткостью отмечает всю серьезность данного вопроса для укрепления нашей диктатуры.

Крестьянство относится к пролетариату с громадным чувством доверия потому, что рабочий помогал ему завоевать землю. Потом три года рабочий во главе Красной Армии, объединенный в этой Красной Армии с крестьянами, защищал землю от помещиков и от генералов. Но классы не руководствуются благодарностью. Наша задача сейчас в том, чтобы каждый день доказывал крестьянину, что крестьянину выгоднее жить с рабочим классом, чем жить с банкирами. Прежде всего нужно обратить внимание на тот аппа-

рат, который представляет Советскую власть, власть пролетариата, власть трудящихся на местах. Мы должны сказать, что так же, как и в других областях, мы очень и очень еще далеки от того, что мы имели в виду в тот момент, когда мы шли на приступ буржуазной власти. Мы должны теперь сказать, что в советском аппарате сохранилось еще очень много старого, что продолжает существовать и противопоставление управляемых и управляющих. Конечно, это положение должно быть изменено. Аппарат у нас самый скверный, а именно по этому аппарату судит население о Советской власти. Ни митинги, ни решения, ни резолюции, а, именно, реальная действительность будничной работы в жизненных вопросах, которые для миллионов определяют все, важна для укрепления доверия крестьян к Советской власти. Вот эти вопросы об аппарате, которые специально поставил тов. Ленин, должны быть поставлены всей партией и специально проанализированы. И недаром тов. Ленин в своих статьях высказывается вот каким образом: «Лишь посредством максимальной чистки нашего аппарата, посредством сокращения всего, что абсолютно не необходимо в нем, мы в состоянии будем удержаться наверняка». Мало, значит, говорит тов. Ленин, что вы проведете ту или иную реформу. Мало того, что вы правильно разрешите национальный вопрос, вопрос об организации государственной промышленности. Сделайте так, чтобы наш государственный аппарат был мал, но чтобы он, действительно, служил трудовым массам и чтобы он поддерживался крестьянами, что-

бы крестьяне, которые относятся с доверием к Советской власти в центре, чтобы они не стали относиться к ней отрицательно из-за скверного состояния нашего аппарата в селе, деревне. Мы должны создать этот аппарат и, если у нас не будет этого аппарата, то громадное доверие, которое мы завоевали в кровавой борьбе вместе с крестьянами и за крестьян, это доверие мы потеряем. Наш несовершенный аппарат управления—это наша болячка, над которой партия должна работать. Тут не помогут никакие резолюции, никакие решения. Серьезнейшее внимание партии в этой области есть необходимое условие действительной, окончательной нашей победы.

Как ни важно умение считаться с крестьянством и поддерживать союз пролетариата и крестьянства, но основным, конечно, для нас является упрочение и укрепление пролетариата, как нашей основной опоры. Задача восстановления промышленности, поэтому, есть главнейшая наша забота. Не время говорить о диктатуре промышленности. В этом лозунге нет содержания. Диктатура не фраза, а мощь, сила. А действительность нам говорит, что миллионы мелких крестьянских хозяйств своею ежедневною деятельностью уже дают 75 проц. довоенной продукции, а промышленность наша, т. е. очаги пролетарского духа, пролетарской сплоченности, революционности, очаги коммунизма, энергия которых должна служить нашей основной опорой, она дает только 25 проц. продукции довоенного времени, и что мы, как идеал, можем поставить, если бы на следующем съезде товарищи,

ведущие нашу хозяйственную политику, сказали бы нам, что с 25 проц. довоенной продукции мы поднялись за год до 35—40. Это было бы громаднейшим завоеванием. Слова о диктатуре промышленности еще ничего не характеризуют, они не могут быть противопоставлены тому, что у нас часто называют диктатурой финансов.

Вы, товарищи, осуществители власти —в каждом из вас воплощена эта власть,—вы знаете, что значит финансовый вопрос для всего нашего строительства; получая каждый раз отказ на самые необходимые нужды, видя, как дело можно двинуть вперед, а не хватает красной или синей бумажки—вы все склонны ругать хозяйственную систему и восставать против «диктатуры финансов». Но что значит «диктатура финансов»? Когда на просьбу бакинских нефтяных промыслов, на просьбу, обращенную к партии: «Надавите на советский аппарат, заставьте дать несколько миллионов рублей золотом, чтобы мы могли заплатить рабочим и увеличить вам добычу на 20 проц.», партия, которая принуждена решить этот вопрос, говорит: «Не можем», что это значит? Это значит, что, получая главным образом, средства государства из миллионов этих мелких крестьянских хозяйств—в виде налога или продналога,—мы должны каждый момент взвешивать, какую нагрузку могут выдержать крестьяне и, давая для восстановления промышленности Баку столько-то миллионов, на Урал—столько-то и т. д., мы должны смотреть: не перегрузили ли мы так крестьянскую отощавшую лошадь, что она от-

кажется итти. И когда говорится, что диктатура промышленности должна быть противопоставлена диктатуре финансов, часто забывают, что это как раз касается того, что говорит тов. Ленин: «Считайтесь с крестьянином, берите столько, сколько он может вынести, соразмерьте свои требования с тем, сколько эта отощавшая лошадь может вам дать». Поэтому, если бы нам сказали: не надо обращать внимания на промышленность, дайте столько, сколько нужно, мы должны отвечать, что этого нельзя, что мы должны сохранить пропорцию, которая диктуется основными политическими интересами: сохранение союза крестьян и пролетариата. Поэтому вопрос о восстановлении промышленности для нас имеет определенные границы. Мы имеем только определенные суммы, чтобы поддержать промышленность. Вместе с тем, ни для одного коммуниста, вообще марксиста, нет никакого сомнения, что без промышленности не может существовать рабоче-крестьянская власть, не может существовать диктатура пролетариата. Следовательно, задача наша заключается в том, чтобы поставить промышленность так, чтобы она хорошо распоряжалась народным достоянием, чтобы мы могли сказать, что каждая копейка народного достояния, вложенная в промышленность, будет ли она дана в виде материала, сырья или денег, что каждая копейка была действительно употреблена, реализована таким образом, чтобы народное достояние увеличилось, а не уменьшилось.

Мы целый год работаем при помощи такой организации промышленности, которая называется «Трестами»,

и на Партийном Съезде должны быть подведены итоги, дан отчет, правильно ли мы построили эту систему. Эти тресты, при переходе от главкизма к НЭП'у мы построили начерно, грубо. Мы сказали: ведите дело по хозяйственному расчету. Прошел год, эти корабли—тресты возвращаются обратно в пристань, к государству, но не с плодами своей работы, а за тем, большею частью, чтобы сказать, что они потерпели убытки и им нужно еще дать.

Конечно, вы глубоко ошибетесь, если подумаете, что где-нибудь в советских или партийных сферах кто-нибудь знает, сколько мы разбазарили; мы знаем, что разбазарили много, но сколько —не может ответить никто, потому что ни точного ведения дела, ни точного понимания, как вести дело, у нас, к сожалению, не было. Виновники—не хозяйственные организаторы, но виновны мы все, поскольку впервые выходя с национализированным государственным имуществом на вольный рынок, принуждены сочетать государственную собственность на все орудия промышленности с методами вольного рынка, с методами денежного расчета и конкуренцией,—мы здесь сразу найти правильного пути не могли. Много трестов, пущенных в море вольного рынка, потонули, не выдержав бурь. В этом наша общая вина, но общий принцип был правилен. Мы не выдержим, если не сумеем сочетать обще-государственный план промышленности и восстановление его с определенной самостоятельностью движений отдельных хозяйственных организаций. Мы—хозяева неимоверного богатства, заключенного в фабриках, заводах, зданиях, машинах,

оборудовании, сырье. Мы должны уметь управляться с этим достоянием таким образом, чтобы оно приносило доход. Когда Ленин года полтора тому назад, говорил: «Товарищи, задача коммунистов—учиться торговать», у многих товарищей сделались большие глаза. Они говорили: мы слышали, что задача коммунистов—уметь драться на баррикадах, на фронте гражданской войны, а уметь торговать—грязное дело. И, не умея торговать—мы проторговали, а все, что мы проторговали, это не дымом уходит, это отлагается у нэпманов и буржуазии, это усиливает буржуазные отношения, которые мы сами разрешили, когда сказали крестьянину: «Ты имеешь право продавать хлеб». Каждая копейка, каждый гривенник, на которые проторговались электро-трест, машино-трест, юго-сталь, бакинская нефть, они увеличили политически, а не только экономически, мощь нашего классового врага, буржуазию. Поэтому, именно научиться хозяйствовать и торговать—такова задача, которая перед нами стоит. Надо найти правильную пропорцию между планом хозяйства, между работой планирующих органов и между свободой движения хозяйственных органов, которые мы выделяем и которым говорим:«Вот, из общего котла государственного народного достояния мы тебе выделим такие-то фабрики и заводы, даем свободу управления имуществом, ты наш приказчик, управляй, но помни, что ты управляешь народным добром, должен научиться вести точный счет и должен этот счет за целый хозяйственный год представить, чтобы мы могли посмотреть, что с этой частью сделано, преувеличилась

ли она или преуменьшилась». Это—задача организации промышленности. Таким образом, перед партией стоят не новые задачи. Вряд ли можно здесь предложить что-либо новое сравнительно с тем выходом в виде трестов, который имеет годовой опыт. Наша задача—подытожить этот опыт, точно уяснить права и обязанности этих самостоятельных хозяйственных организаций, точно установить пределы ответственности, обязать партию ближе стать к этому хозяйственному делу, установить нормальные отношения между партией и хозяйственными органами и, таким образом, дать возможность нам вступить в более плановую, более сосредоточенную, более хозяйскую работу. Когда мы подготовляли Съезд, мы устроили анкету между хозяйственниками, коммунистами и написали: «Скажите, пожалуйста, что вы понимаете под словом хозяйственный расчет». Мы получили ответ от 11 крупных хозяйственников, и эти 11 ответов не похожи были один на другой. При таком положении, хозяйствовать более нельзя. Мы надеемся, что ближайший Партийный Съезд даст, наконец, итог всему опыту и даст твердую конституцию хозяйственной деятельности и организации государственной промышленности.

Этим, товарищи, я кончаю со вторым крупным вопросом Съезда, который, так сказать, связан с общими перспективами в смысле построения взаимоотношений между городом и деревней, пролетариатом и крестьянством, и перехожу к другому, чрезвычайно важному вопросу, стоящему на Партийном Съезде,—к национальному вопросу.

Я указал, что союз пролетариата с крестьянством есть одна из опор нашей диктатуры. Надо помнить, что союз Советской власти с угнетенными национальностями, защита этих угнетенных национальностей есть другой основной камень в фундаменте закрепления и удержания нами власти, т.-е. удержания диктатуры пролетариата. Мы часто не дооцениваем этого, в особенности внутри Советской России, там, где мы ближайшим образом, национальный вопрос не ощущаем. Мы, конечно, на каждом собрании, в любом месте, разъясняем значение союза рабочих и крестьян. К сожалению, довольно часто забываем, что в России почти половина крестьян, почти половина людей, сидящих на земле и производящих ту сельско-хозяйственную продукцию, которая является главным богатством страны, не принадлежит к великорусской национальности. Если мы победили контр-революцию, то мы всегда должны помнить, что пролетариат победил контр-революцию потому, что нашел поддержку у крестьянства, а еще потому, что контр-революция не могла разрешить ни на одной окраине национального вопроса. Этим угнетенные нации толкались к тому, чтобы видеть в Советской власти единственный способ, единственную надежду на прекращение междунациональной и междугосударственной борьбы и внесение национального мира. На самом деле, объективный историк должен будет сказать: тот факт, что Деникин, Колчак, Юденич не могли разрешить национального вопроса на окраинах, так же подготовил наше торжество, как то, что они не могли разрешить аграрного вопроса, и то, что они не могли не препо-

давать реставраторских царистских тенденций.

Если вы рассмотрите, каким образом и где волна Советской власти остановилась и нашла предел, где контр-революция нашла некоторую силу, чтобы выказать сопротивление нам, вы увидите, что это как раз в национальной области. Тот мост, проклятый мост между нами и германским пролетариатом, который в виде Литвы, Латвии, Эстонии, Польши построил английский и французский капитал, укреплен именно на национальном фундаменте. В национальных чувствах этих народов, в их воспоминаниях о московско-романовских насилиях—контрр-еволюция нашла себе опору, которую она не нашла на Волге, в Сибири, в Архангельске, Новороссийске. Это показывает, какое значение имеет для нас правильный учет этой национальной спайки в деле непосредственного расширения Советской власти.

Партия, как целое, не только никогда не забывала этой стороны вопроса, но она из года в год в самых ответственных документах, в самых ответственных постановлениях напоминала о роли и значении национального вопроса. В 19 году мы составили программу, и всякий найдет в ней точное указание на то, как должна Коммунистическая партия подходить к разрешению национального вопроса. Вы помните, что там точно указано на необходимость разрешать этот вопрос в зависимости от того, в какой стадии развития находится данная нация, и заключено требование подходить к этому вопросу с особой осторожностью. Это было в 19 году. В 20 году тов. Ленин пишет специальные те-

зисы для Коминтерна, главным образом, на основании опыта Советской власти, который накопился у нас за это время. Это место я считаю необходимым прочесть: «Вековое угнетение колоний и слабых национальностей империалистическими нациями, оставило в трудящихся массах не только озлобление, но и недоверие к угнетающим нациям, в том числе и к пролетариату угнетавших наций. Чем более отсталой является страна, чем сильнее в ней мелкое производство, патриархальность, захолустность, тем глубже в ней мелко-буржуазные предрассудки, именно предрассудки национального эгоизма, национальной ограниченности. Так как эти предрассудки могут исчезнуть лишь после исчезновения империализма и после радикального изменения всех основ хозяйственной жизни страны, то вымирание этих предрассудков не может не быть очень медленным. Отсюда обязательность для сознательного коммунистического пролетариата всех стран относиться с особенной осторожностью и особенным вниманием к пережиткам национальных чувств в наиболее долго угнетавшихся странах и народностях, равным образом, обязательность идти на известные уступки в целях быстрого изживания указанного недоверия и указанных предрассудков». Через год X Партийный Съезд вновь подошел к национальному вопросу. Съезд отмечает два уклона, особо подчеркивая уклонение в сторону великодержавности и считая его особенно вредным и особенно опасным для цели развития мировой революции. Проходит год. Мы находимся перед XII Съездом, и Центральный Комитет вновь ставит национальный

вопрос в порядок дня. Это значит, что из года в год на самых авторитетных собраниях вновь и вновь подымаем этот вопрос. Это доказывает, с одной стороны, грандиозную важность, которую партия придает этому вопросу, а с другой стороны, и то, что партия не считает, что правильное понимание этого вопроса проникло всю нашу партию и не нуждается в новом разъяснении и подтверждении.

Почему такое внимание необходимо уделять национальному вопросу? Я думаю, что ответом на этот вопрос может служить уже цитированная статья тов. Ленина. Тов. Ленин говорит, что наша задача — продержаться до нового мирового кризиса, и он тут же указывает на то, что капиталистические страны завершают свое развитие к коммунизму не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не прямым переходом к коммунистической революции, не «равномерным вызреванием в них социализма», а путем эксплоатации одних государств другими, путем эксплоатации Средней Европы, соединенной с эксплоатацией всего Востока. «А потому,—пишет т. Ленин,—мы должны обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контр-революционным империалистическим Западом и революционным националистическим Востоком».

Мне думается, что именно товарищам, работающим на окраинах, нужно прежде всего обратить на это внимание и вдуматься в указанные здесь мировые перспективы. Медленный рост непосредственного социалистического движения, явившийся результатом того, что

несколько восстаний пролетариата в 1919—20—21 г.г. были подавлены, то, что страны победители получили такие огромные богатства, что они могут подкупать верхушки пролетариата и удерживать его от революции— все это необходимо принять во внимание и понять, что революция растет из сложного переплета международных отношений даже в Европе. Когда Франция оккупирует Рур, она готовит революцию не прямым путем, а косвенным путем, путем насилия одной страны над другой. И все среднеевропейские государства находятся в таком положении, что развитие революционной бури, подготовка революционного возмущения соединяется с протестом против насилия поработителей.

Национальной борьбе в революционном движении суждено, видимо, сыграть такую роль, которую мы не предполагали, когда думали, что империалистическая война непосредственно превратится в революционное движение в Европе. При этой обстановке втягивание в революционный процесс всех народов Востока является очередным важнейшим этапом мировой революции. Когда тов. Ленин, а не кто-либо другой, определяя момент, до которого нам предстоит держаться и необходимо удержаться, говорит перед мировой ареной, когда его слушают не только члены партии, а государственные люди всего мира, он говорит—удержаться нам нужно до войны между контр-революционным Западом и революционным и националистическим Востоком, он дает такие перспективы, которые заставляют нас в национальном вопросе сделать важные выводы. Что это значит? Мы говорили во всех резолюциях, что

уклон великодержавности, который проявляется хотя бы в малой степени, опасен, что шатание в сторону национализма менее опасно, чем уклон великодержавный. Почему? Мы должны демонстрировать перед революционными нациями Востока преимущество Советской власти перед всякой другой формой. Это есть настоятельнейшая задача советской политики. Англия, Франция, всякая колониальная держава имеет для влияния своего на Восток большой арсенал денег, оружия, прессы, школы, подкупа всего, чего угодно, для того, чтобы закабалить тело и душу масс. Мы что имеем? Мы, которые не можем надеяться на силу, но которые надеемся, что в борьбе между Востоком и империалистами Запада одержим победу? У нас нет денег, которые может затрачивать Англия и Франция, мы не можем и не хотим использовать их способы обмана и насилия. Мы можем в противовес им противопоставить лишь правильное, искреннее, честное разрешение национального вопроса. Поэтому-то особое внимание должно быть уделено нами этому вопросу. Все наши усилия должны быть направлены к тому, чтобы найти правильную пропорцию между необходимостью объединения Советских республик, без которого они представляют собою слабые частицы, которые империалисты могут по частям разбить и уничтожить, и их правами на независимость. Нужно найти правильную пропорцию между этим абсолютно-необходимым объединением и той независимостью отдельных республик и автономных областей, которая для нас представляет не пустую декларацию, не что-то, сделанное

под давлением обстоятельств данного момента, но что представляет для нас воплощение решений, которое мы подготовляли еще до перехода к нам власти. Мы должны доказать, что Союз Советских Республик необходим и что вместе с тем этот Союз не нарушает независимости, которая гарантирована Советской властью. Мы представляем страну, которая сотни лет угнетала инонациональную половину всего населения бывшей Российской империи. Этого гнета теперь нет, но мы должны подходить к оставленному этим гнетом наследству недоверия очень осторожно. Мы заявляем, что при Советской власти все равны. Но помните, что объяснений и деклараций мало. Уравнение наций не может быть проведено путем декларирования и резолюций. Эти вопросы требуют специальной поддержки и внимательного отношения, специальных методов и подходов, чтобы равенство наций не осталось в декларациях, а проникло в действительную жизнь. Надо, товарищи, найти эту пропорцию между необходимостью объединения и необходимостью гарантии независимости национальных республик в то время, когда среди народов Востока существует недоверие ко всякой власти, которое, хотя бы только географически, идет из того места, которое раньше было центром и воплощением гнета. И Центральный Комитет чрезвычайно осторожно и чрезвычайно внимательно к этим вопросам подходит. Вопрос о Союзе Советских Республик возник давно, он был решен в принципе на первом Съезде Союза Советских Республик в декабре прошлого года. Но мы не сказали, что это оконча-

тельное решение. Мы понимали, что нужно быть очень осторожным. Тов. Ленин своей статьей сказал: «будьте осторожны с Востоком», потому что завоевание доверия народов Востока может быть проведено только через правильную половину разрешения национального вопроса здесь. (Аплодисменты). Поэтому на первом Съезде Союза мы сказали себе: мы обсудим еще раз, мы передадим этот проект на обсуждение местных ЦИК'ов с тем, чтобы этот проект был обсужден местными людьми. Для этого установили срок в четыре месяца и назначили первое собрание ЦИК'а Союза на апрель, но на Пленуме ЦК, по предложению товарищей, работающих на Украине, мы отложили реальное создание союзных аппаратов еще на два месяца—лучше еще раз подумать, лучше поправить ошибки. А одно упущение в нашем персональном проекте Союза мы уже нащупали. В организации Союза Республик, оказалось, мы не предусмотрели того органа, в котором национальные республики были представлены, как таковые, как равноправные единицы, независимо от количества населения. Это упущение было настолько ясно, что на Пленуме ЦК было внесено предложение, которое с точки зрения обычной нашей советской структуры вызывает, во всяком случае, некоторое смущение. Как вы знаете, Союз Советских Республик должен иметь своим верховным органом Центральный Исполнительный Комитет и Союзный Совнарком. Когда мы посмотрели, что же будет представлять из себя ЦИК Союза, мы увидели, что РСФСР будет представлена 260 членами, к которым будут добавлены 80 членов, представляю-

щих другие, входящие в Союз республики. Оставив этот порядок, мы, прежде всего, дали бы орудие в руки наших врагов. Они, пользуясь национальными предрассудками, воспоминаниями о романовской монархии, о том, как Керенский вел национальную политику на Украине, будут говорить: «260 и 80—это не очень равноправно». Давать в руки наших врагов, в руки империалистической Англии, которая столетиями использует все методы для господства на Востоке, такого оружия нельзя. Но, независимо от этого, надо поставить себе вопрос: что же, национальные потребности той или иной области, культурные нужды 65 миллионов населения, не принадлежащего к великорусскому племени,—будут ли обладать таким аппаратом, который во-время и точно отразит их желания, во-время предупредит Партию о встающих в этой области вопросах? Ни на минуту нельзя забывать, что при первом же военном столкновении или контр-революционном движении наши враги попытаются мобилизовать против Советской власти все национальные предрассудки, все воспоминания о великорусском насилии, как это было в Латвии, Эстонии, Польше и т. д.,—эти попытки, безусловно, будут иметь место. Где же тот аппарат, который во время скажет и предупредит о необходимых мерах? Для этих целей аппарат, созданный независимо от национальностей, недостаточен и выдвинута была мысль наряду с Центральным Исполнительным Комитетом поставить такое собрание, которое отражало бы специальные нужды и потребности каждой нации, входящей в состав РСФСР и всего Союза Сов.

Республик и имело бы равное для каждой нации представительство, которое, следовательно, составлялось бы не пропорционально населению каждой республики, а по признакам национальных организмов, входящих в Союз Советских Республик. Тов. Сталин, который внес это предложение, отнюдь не считал его окончательным решением национального вопроса, и никто из нас этого не считает. Мы только отдаем себе отчет, что если мы с декабря месяца, когда утверждался Союз Сов. Социалистических республик, по март месяц должны были внести эту поправку, то это значит, что внимательное отношение к национальному вопросу, обдумывание каждого шага в нем не вредит. Поэтому этот вопрос еще раз поставлен в порядок дня Съезда, и Пленум ЦК решил пригласить на этот Съезд с совещательным голосом —в виде исключения —некоторых товарищей, работающих в национальной обстановке, чтобы выслушать мнение товарищей, компетентных в национальном вопросе, и только тогда начать осуществлять то, что в общих чертах признано нами, но что в своем конкретном осуществлении требует точности, обдуманности и осторожности, если мы хотим остаться верными оглашенным мною постановлениям Партии и Коминтерна.

Если, товарищи, Центральный Комитет так осторожен, так чуток в национальном вопросе, то ничего нет удивительного, что национальный вопрос на окраинах и, в частности, в Закавказьи, решается с колебаниями, с ошибками, что эти ошибки потом поправляются и могут быть поправки еще и еще.

Но печально то, что споры и обсуждения этого вопроса принимают форму, которая заставляет сказать, что одна из старейших организаций нашей Партии, орорганизация, которая должна была послужить образчиком для всех окраин, которая должна быть учителем для других окраин, что она действительно болеет. Центральный Комитет с болезнью Грузинской Партии знаком давно и применял различные методы лечения. Нельзя говорить, что Центральный Комитет наш действует всегда одним методом: он переходит от одного метода лечения к другому, от поддержки одной группы переходит к поддержке другой. Вот и сейчас, я и тов. Куйбышев командированы сюда для ознакомления с вашими болезнями и для исправления возможных ошибок. Мы должны констатировать, к сожалению, что все методы лечения, которые применялись до сих пор, не оздоровили организм. Мы не можем, приехав в ЦК, сказать, что грузинскую партию мы оставили в здоровом состоянии не потому, что вы спорили о том, нужна ли Закавказская федерация или нет. Мы сами спорили—нужен ли нам Союз Советских Республик. Мы спорили и не знали окончательного решения, не знали, в какую форму отольется этот Союз, какие формы будут для него наиболее подходящи. Мы не отказались искать еще и еще и общим коллективным разумом всех коммунистов поправить это, имея в виду перспективу, которую дал тов. Ленин и которая говорит: «Дорога к мировой революции лежит через Восток». Вы решите национальный вопрос так, чтобы ускорить эту мировую революцию, а не задерживать ее,

чтобы развитие сознания Востока не задерживалось проклятым наследием недоверия к великодержавности какой бы то ни было нации. Не в том ваша болезнь, что вы спорите об этом, не в том, что вы не нашли сразу решения, а в том, что эти решения и споры об этих решениях приняли формы, которые за пять лет существования Коммунистической Партии нигде, ни в какой организации не принимали. Что касается сущности того дела, которое вы здесь делаете, по ознакомлении, я считаю и думаю, что выражаю мнение всего Центрального Комитета, что Закавказская федерация является абсолютной необходимостью для решения национального и межнационального вопроса здесь, в Закавказьи, и для создания национального мира, и что отвержение этой идеи было бы глубокой ошибкой, но что формы, которые эта федерация должна принять, и формы взаимоотношений Закавказской федерации и независимых республик Азербейджана, Грузии, Армении и взаимоотношения этой федерации с С. С. С. Р.,—эти формы подлежат обсуждению, они заслуживают того, чтобы к ним отнеслись самым внимательным образом. Надо решить вопрос таким образом, чтобы федерация ни в коем случае не нарушала необходимой в целях развития пролетарской революции независимости тех республик, которые сами мы по общему согласию объявили независимыми. Надо найти такие формы осуществления объединения, которые бы этой независимости не затрагивали, надо понять, что объединению подлежит то, что абсолютно необходимо объединить ради военного и хозяйственного союза, но

все, что не требует абсолютно и немедленно объединения, должно быть предоставлено данной республике. Этот принцип должен быть применен во взаимоотношениях, как между республиками и федерацией, так и федерации с Москвой. Здесь есть группы товарищей, которые с особой осторожностью отнеслись к этому вопросу. Если они слишком долго удерживались от того, чтобы дать категорический ответ на эти вопросы, если они предупреждали, что слишком поспешное движение в сторону объединения может привести к ошибкам и может привести к впечатлению, которое похоронит или сотрет идею независимости, то заподозрить этих товарищей в национализме, а тем паче в сочувствии к тем партиям, которые являются нашими классовыми врагами—это глубочайшая ошибка (бурные аплодисменты). Я здесь вместе с тов. Куйбышевым не для того, чтобы судить и раздавать похвальные или осудительные листы тому или другому из тех идейных течений, которые здесь боролись. Мы здесь для того, чтобы, считая, что те или другие делали ошибки, но что и те и другие являются искренними и честнейшими коммунистами,—чтобы между ними установить мир, чтобы иметь право приехать на Партийный Съезд и сказать: «Болезнь, которой в течение года болела Грузинская Коммунистическая Партия, изжита внутренними методами соглашения (аплодисменты), а не какими-нибудь операциями сверху. Зная, что я не могу с тов. Куйбышевым остаться здесь слишком продолжительное время, зная, что мы не можем обсудить этого вопроса на самом Съезде, мы пригласили

к себе товарищей, которые и на ваш и на наш взгляд являются наиболее авторитетными отразителями взглядов боровшихся здесь течений. Я перед ними поставил один вопрос: «Есть между вами такие принципиальные разногласия, которыми бы оправдывалось то обострение борьбы, которое было?» Я и т. Куйбышев приехали сюда без всяких предвзятых мнений, приехали с полным сознанием ответственности за проведение решений, которые, конечно, будут приняты вами совершенно свободно. И я чрезвычайно рад сообщить вашему Съезду и буду рад сообщить РКП, что мы не могли найти тех принципиальных разногласий, которые оправдали бы эту борьбу. Правда, от этого самые формы борьбы становятся более достойными заклеймения, формы этой борьбы требуют немедленного ее прекращения. Но зато мы можем констатировать, что, с одной стороны, ошибки, которые были допускаемы здесь той группой, которая руководила партией в недавнее время, и те ошибки, которые допускала другая группа, они не имеют принципиального характера. Мы убедились, что могут быть составлены положения, тезисы, которые определяли бы ближайшие задачи партии в Грузии в области национального и аграрного вопросов, и под которыми обе борющиеся стороны могли бы подписаться. Я, товарищи, оглашу текст выработанного соглашения, которое ценно потому, что оно, с одной стороны, мне кажется ясно, точно, без фальшивой дипломатии формулирует очередные задачи Коммунистической Партии Грузии, с другой стороны, потому, что оно носит подпись ответственных товарищей, которые бо-

ролись здесь. Но я должен сказать, что с того момента, когда представители этих групп, разрешите так назвать, чтобы не сказать двух фракций, подписали эти принципиальные тезисы, с этого момента борьба теряет принципиальный характер и ее продолжение было бы недопустимой склокой.

Всякое продолжение групповой организованности не имеет отныне никаких принципиальных оснований, и к тем, которые продолжали бы их, будут применены самые строгие меры. Я надеюсь, что это принципиальное соглашение послужит исходной точкой, которая восстановит здоровье и бодрость нашей Грузинской Партии, что оно даст возможность работать представителям обоих течений, что оно даст возможность привлечь к важной работе и в области аграрной, и в других областях тех, которые по тем или иным причинам не могли принимать участия в ней. Выработанные на предварительных совещаниях «тезисы об очередных задачах Компартии Грузии», гласят следующее:

1. Основная задача—доказать на деле, что Советская власть в полной мере обеспечивает, наряду с классовыми интересами, не только экономические, но и национальные интересы трудящихся.

2. Федерация Закавказских Республик признается, как необходимая форма обеспечения национального мира на Кавказе и урегулирования междунациональных и междугосударственных отношений и окончательного их изживания, созданных эпохой дворянского и буржуазного господства (господство меньшевиков, дашнаков, муссаватистов), борьбы и взаимного недоверия на-

родов Закавказья. Федерации должны быть на практике приданы такие гибкие формы, которые бы отнюдь не нарушали независимости федерированных республик во всех тех областях хозяйства и управления, которые не требуют немедленного объединения в закавказском масштабе по мотивам политического и экономического характера.

3. Конкретные формы строения федеративных органов Закавказской Федерации и распределения наркоматов между независимыми республиками Закавказской Федерации и С. С. С. Р. должны быть обсуждены в комиссиях партсъезда в связи с пунктом порядка дня «национальный вопрос» в партийном и государственном строительстве.

4. Особое внимание должно быть обращено на то, чтобы объединенные аппараты ни в коем случае не могли обратиться в орудие проведения великорусского национализма; против всяких попыток в этом направлении должна вестись со стороны партии самая решительная систематическая борьба.

5. Отобрание земель у помещиков и осуществление земельного закона должно итти революционным темпом. Завоевание доверия крестьянских масс путем быстрейшего проведения аграрной реформы—настоятельнейшая задача партии, не терпящая отлагательства и требующая соединенных усилий всех членов партии. Задачи сохранения культурных хозяйств, высоких культур и проч. должны быть при этом соблюдены, согласно существующих законов.

6. Необходимо строго придерживаться того метода разложения и преодоления национальных предрассудков, который указан, как в программе РКП, в резолюциях X Съезда, так и в общих указаниях письма т. Ленина. Коммунисты Грузии должны особо иметь в виду заключающиеся во всех этих партийных документах указания на необходимость сугубо осторожного отношения к национальным чувствам и естественному недоверию масс пережившей угнетение нации к нациям, даже пролетариату угнетавших наций.

7. Рядом с этим необходимо вести самую беспощадную борьбу с контр-революционными партиями, в частности—с партией меньшевиков, для которых игра на национальных чувствах является лишь орудием закабаления трудящихся масс иностранному капиталу, в поддержке которого заключается их единственная надежда на установление своей власти.

8. Специальной задачей всех коммунистов Закавказья является неустанная, систематическая, беспрерывная борьба с разжигаемыми националистами чувствами вражды и недоверия между отдельными народами Кавказа (в частности, между грузинами, армянами и тюрками). Всякие проявления подобных чувств должны быть приравниваемы к черносотенству и антисемитизму.

Одним из важнейших методов борьбы с этими чувствами, в развитии которых особенно заинтересована меньшевистская, дашнакская и муссаватистская контр-революция, должна быть усиленная работа по сплочению рабочих и крестьян всех национальностей,

ознакомление с историей, культурой и борьбой рабочих и крестьян других наций и воспитание, как широких масс, так и в особенности молодежи в истинно интернациональном духе.

После всего мною сказанного, тезисы эти не требуют комментариев. Я скажу несколько слов лишь по 4-му пункту. Мы создаем объединение. Я говорил о том, какие аппараты находятся в нашем распоряжении. Наши советские аппараты слегка помазаны сверху коммунистическим миром, в своем же стволе они состоят из старого чиновничества. И если мы не примем специальных мер, то эти объединенные аппараты, наполненные старым чиновничеством, превратятся помимо воли нашей партии и против воли ее в орудие великорусского шовинизма. Конечно, железные дороги должны быть объединены, но мы должны знать, что если мы сами иногда недостаточно уделяем внимания разнице национальной обстановки на ст. Евлах, Самтреди и на какой-нибудь подмосковной станции, то те чиновники и спецы, которые достались нам в наследство, будут поступать по старому и не будет того необходимого внимания к народам окружающим, которое должно быть. Все рабочие, крестьяне и бедняки на этих станциях будут встречаться со старым чиновничеством, относящимся с презрением к бедноте. Против этого должны быть приняты самые решительные меры, об этом и говорит п. 4-ый.

Итак, товарищи, вот тезисы, которые, должен сказать, не без бурных прений и споров, свойственных горячему южному темпераменту, не без больших пре-

ний нам удалось выработать. Говоря перед съездом, и обращаясь к нему, я должен сказать, что не могу поручиться за то, что эта платформа гарантирует нас от трений и окончательно изживает те формы борьбы, которые здесь имели место. Я думаю, что этой гарантии мы сами не можем дать. Эта гарантия в ваших руках. Как можно потребовать от работающих здесь местных организаций, от тех или иных групп потребовать единой, сплоченной работы на этой платформе? Это должен потребовать местный пролетариат, должна быть проявлена воля грузинского пролетариата и тогда работа пойдет дружно.

Мне остался один вопрос, которого я коснусь совершенно кратко, потому что, мне думается, все элементы для его решения уже достаточно даны в предыдущем моем изложении. Это—вопрос о партийном строительстве. Этот вопрос поставлен на очередь тов. Лениным. Вопрос о том, как уберечь нашу партию, наш партийный аппарат от всякой опасности, которая могла бы нам угрожать. Мы на прошлом Партсъезде совершенно правильно приняли резолюцию о строгом разделении партийного и советского аппарата. Мы указали на то, что партия не должна и не может замещать советского аппарата. Было бы, однако, ошибкой делать из этого выводы, которые идут слишком далеко, и говорить о том, что партия должна стать настолько в стороне от советского аппарата, чтобы советский аппарат приобрел независимость от партии; мы этого не допускали до сих пор и допустить не можем. Мы держим в своих руках распределение ра-

ботников внутри тех или иных учреждений, назначение тех или иных коммунистов на Советские посты. Это было дело партии. Тов. Ленин в своей статье идет дальше. Он говорит, что разделение между партийными и советскими органами должно быть, но что вместе с тем партия должна иметь такие глаза и такие уши, которые слышали бы, что делается не только в партии, но и в советских органах, и могли бы передать Центральному Комитету, что делается в среде всего советского аппарата. Идея заключается в том, чтобы контрольные органы партии превратить в контрольные органы государства, придав им некоторые права РКИ. Смысл в том, чтобы у Центрального Комитета был аппарат, долженствующий информировать не только о жизни партии, но и о соворганах. Тов. Ленин обеспокоен тем, что партия, которая представляет каплю в море той части человечества, которым мы управляем, что Центральный Комитет, который представляет каплю среди сотен тысяч членов партии, что он может приобресть некоторую бюрократичность. Центральный Комитет должен обладать возможностью учитывать все, что делается в стране, способностью во время обратить внимание партии на всякое новое явление в народных глубинах. Мы должны найти для этого соответственный организационный аппарат. Прежде всего мы постановили и предложим съезду расширить состав Центрального Комитета с 27 до 40. Мотивы, конечно, ясны. Они заключаются в том, с одной стороны, чтобы больше связаться с партийной массой и, с другой стороны, чтобы боль-

шое количество товарищей с мест могло бы подготовиться к тому, чтобы взять на себя обузу управления партией, которая сейчас лежит на группе стариков, которые, однако, не вечны и с каждым годом становятся все менее и менее способными нести эту обузу. С другой стороны, мы предлагаем Центральную Контрольную Комиссию расширить до 35 товарищей, которые преимущественно должны избираться из рабочих и крестьян с серьезнейшим партийным стажем, пригодных не только для партийного контроля, но и для советской контрольной работы под руководством Центрального Комитета. Основной задачей является обследование во всех отношениях проведения партийной линии, как внутри самой партии, так и в советской работе. Таким образом, как вы видите, Пленум ЦК пошел навстречу идее о создании такого высшего органа, в котором сходилась бы вся информация не только о партийной, но и о советской жизни, который имел бы право присутствовать на всех заседаниях ЦК, который бы служил руководителем в работе и не был бюрократическим аппаратом.

Эти реформы относятся к внутренним партийным делам. Мы имеем предложить Партсъезду еще одно решение, которое относится к улучшению состава нашей партии. Чем больше приходится маневрировать, чем больше срок, в течение которого нам придется заменять способ лобовых атак обходными движениями и окружением врага,—тем наша армия должна быть гибче, тем больше должна быть она дисциплинирована, тем лучше должен быть ее классовый состав. Когда

мы шли в атаку, классовый состав армии не играл такой роли. Но в моменты, когда задача лобовых атак заменяется задачами тонких, рассчитанных ходов маневрирования, продвижения, куда можно, отступления, когда надо,—наша армия должна быть строго подобрана и только тогда маневрирование, союз с крестьянством на почве НЭП'а, уступки национальным чувствам могут ни на капельку не помешать проведению чисто коммунистической политики. Поэтому наша партия, которая имеет за собой всю гарантию, что она эти маневры выполнит, должна предпринять еще один шаг. Анализ кандидатов, которые стоят у дверей нашей партии, показал, что этот состав кандидатов только на 20% является пролетарским, и мы предложим Съезду закрыть двери партии еще на один год для всех кандидатов, которые не являются потомственными почетными пролетариями, и открыть двери для представителей рабочего класса, которые подошли к нам и стоят перед дверью. Это вливание нового элемента пролетариата и задержание выходцев из других классов поможет нам проделать ту политику, которую проводит ЦК в его конкретных решениях и общие перспективы которой указаны в статье тов. Ленина, которые совпали с мнением ЦК.

Мы можем быть твердо уверены в том, что какие бы трудности и неожиданности не постигли нашу партию, она сумеет выйти из предстоящего Съезда более объединенной, чем когда-либо. Перед нами лежит прямая, правильная, точная, определенная дорога и мы уверены, что, идя по этой дороге, мы победим.

Мы сегодня переживаем 25-ти летие со дня организации нашей партии. Я не знаю в мировой истории не только Партии, но я не знаю, вообще, более драматических, более способных воспламенять умы и сердца лучших элементов человечества моментов, чем в истории нашей партии. Понадобилось всего 25 лет, чтобы от подпольных кружков, которые памятны нам, подпольщикам, которые помнят моменты, когда лучшие наши вожди сами раскидывали прокламации и ходили по квартирам рабочих, чтобы растолковать двум-трем передовым пролетариям начала учения Маркса, притти к низвержению величайшей монархии всего мира, построить первое в мире государство с Совегскою властью. Пять лет—против всех капиталистов мира—удерживает наша партия власть. Она добилась для отсталой России, о которой говорили лучшие люди, что мы стыдимся быть русскими (как говорил Герцен)—для недавних подданных Романова первого места на челе мирового движения. Для этого нужна такая преданность, такой героизм, такая беззаветная отдача себя рабочему делу, нужен такой идеализм рабочего класса, примеры которого история знает очень и очень немного. Что нам древние примеры доблести и героизма? Мы сумели создать партию, которая в каждом своем коллективе воплощает не только революционную жажду борьбы, но и все будущее человечества. Наша партия есть ячейка грядущего коммунистического строя, окруженная врагами, она пробивает дорогу к спасению всего человечества. Кто хочет знать будущее, должен посмотреть на нашу

партию. Кто хочет знать, что могут сделать люди в самых невыносимых условиях, кто хочет знать, где предел героизма, должен посмотреть на наших павших борцов. Перед партией еще долгий путь, но я выражаю твердую уверенность в том, что она никогда не позволит никому другому занять первое место в пролетарской революционной борьбе, что она сохранит за пролетариатом Советских республик право на то, чтобы называться не только пролетариатом, свершившим первую социалистическую революцию, но и на то, чтобы пойти дальше во главе мировой революции. (Бурные аплодисменты, Интернационал).

Товарищи, я хотел вас поблагодарить за это приветствие, которое, конечно, я отношу не к себе, а к той организации, от имени которой я выступал, т. е к Центральному Комитету нашей партии, но я хотел перед вами сказать, что я чрезвычайно счастлив, что задача приехать на Кавказ и присутствовать на вашем Съезде выпала мне. Я счастлив, что могу приветствовать вас, потому что здесь в Тифлисе, среди рабочих, 20 лет тому назад я начал учиться марксизму и революционной борьбе (Бурные аплодисменты).

РЕВИЗИЯ ЛЕНИНИЗМА.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ*).

Статья тов. Осинского характерна во многих отношениях, но первым и немаловажным ее достоинством нужно признать то, что статья эта может служить прекрасным образчиком бюрократического извращения и немарксистского трактования важнейших вопросов, поставленных последними статьями тов. Ленина. Если бы тов. Осинский посвятил свою статью исключительно критике практических предложений тов. Ленина, его статья вряд ли могла бы привлечь к себе внимание: давно ведь известно, что у тов. Осинского имеется рецепт спасения партии и Советского государства. По собственному признанию тов. Осинского, этот рецепт имеет уже 4-летнюю давность и датирует с весны 1918 г. Тов. Осинский имел возможность предъявлять партии свои планы спасения в течение этого срока неоднократно, но с той же настойчивостью, с которой т. Осинский предъявлял свои практические рецепты, партия неизменно их отвергла.

Характерны и важны в статье тов. Осинского, поэтому, не его практические рецепты, не раз уже обсуждавшиеся, а его попытка связать неприемлемые для него практические предложения тов. Ленина с общей линией последнего, начиная с весны 1918 года.

---

*) См. «Правда» № 65 от 24 марта за 1923 г.

По выражению тов. Осинского, грехопадение т. Ленина «берет начало с его апрельской речи 1918 г.» и«идет непрерывной цепью» с той же злосчастной весны и до настоящего момента. Эта «старинная идея» тов. Ленина заключается, по словам тов. Осинского, не в чем ином, как в том, что «хозяйственное строительство надо делать чужими руками, руками более культурной буржуазии или буржуазной интеллигенции». Тов. Осинский тут же сообщает: что касается лично его, т. Осинского, то ему «с настоящей идеей т. Ленина, несмотря на глубокое и искреннее уважение к т. Ленину, приходится полемизировать с 1918 года».

«Глубокого и искреннего уважения» к тов. Ленину со стороны тов. Осинского никто не заподозрит. Всем известно, что революционная работа тов. Ленина вколотила «уважение» к себе даже в головы людей, глубоко чуждых марксизму и пролетариату, в роде, скажем, сменовеховца Устрялова.

Но партия, несомненно, будет глубоко удивлена сообщением тов. Осинского о том, как с весны 1918 г. тов. Ленин стремится передать хозяйственное строительство Советской республики в руки буржуазии и о том, как тов. Осинский с того же времени, испытывая «глубокое и искреннее уважение» к тов. Ленину, видит себя вынужденным оборонять русских рабочих и крестьян, а заодно и мировую революцию, от злокачественной «старинной идеи» тов. Ленина.

Но что же собственно в данный момент заставило т. Осинского «оторваться от теоретической работы» и взять на себя труд напомнить партии, как т. Ленин с

весны 1918 года систематически проповедует зловредные идеи? Что заставило т. Осинского взяться за перо, облачиться в бранные доспехи и вновь и вновь— перед фактом ленинских статей—предупредить партию, что сдавать буржуазии «ключи от нашего хозяйства» нельзя было ни в 1918 году, ни сейчас, несмотря на «старинную» тягу тов. Ленина к этому противоестественному преступлению?

В чем действительно заключается основная мысль последних статей тов. Ленина?

Уже первую свою статью о Рабкрине, напечатанную 25 января этого года, т. Ленин заканчивает указанием на классовые отношения в Советской России. «Главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом состоит в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол (между рабочими и крестьянами. Л. К.) и предупреждать их, ибо в последнем счете судьба нашей Республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т.-е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними».

Тов. Осинскому, правда, это показалось недостаточно вразумительным, но здесь уже не вина тов. Ленина, а вина той ваты конституционной (по-русски: либерально-чиновничьей) ограниченности, которой уши тов. Осинского ограждены от восприятия глубочайших социально-политических проблем Советской России.

Но т. Ленин пошел навстречу тов. Осинскому: во

2-й статье он подробно разжевывает ту коренную проблему, которая стоит перед ним и перед партией и в свете которой т. Ленин только и ставит вопрос о реформах Рабкрина, ЦК, ЦКК и т. д. «Мы стоим,— пишет т. Ленин,—в настоящий момент перед вопросом, удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашем разорении до тех пор, пока западно-европейские страны закончат свое развитие к социализму». «Какая же тактика,—продолжает тов. Ленин, — предписывается данным положением дел (в России и в международном масштабе) для нашей страны? Очевидно, следующая: мы должны проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства».

«Нам следует,—разжевывает дальше т. Ленин,—нам следует держаться такой тактики, или применять для нашего спасения (подчеркнуто мною к сведению всех либеральных реформаторов. Л. К.) следующую политику: мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами и доверие крестьян по отношению к себе». Так стоит вопрос. И прав т. Осинский: для т. Ленина, а за ним и для всей партии так стоит вопрос не со вчерашнего дня, а с злополучной для тов. Осинского весны 1918 г.

Именно с 1918 года, с 8-го Съезда партии, как свидетельствует сам тов. Осинский, он придумал рецепт спасения партии и государства при помощи точ-

ного распределения функций между государственным и советским аппаратами, при помощи реорганизации Совнаркома, изменения состава ЦК и т. п. в пределах конституционных реформ. Тов. Ленин в это время, вместо того, чтобы принять к сведению великолепные конституционные формулы т. Осинского, придумывал специальные методы укрепления союза рабочих и крестьян на почве данной экономики страны, вырабатывал и испытывал методы привлечения к хозяйственному строительству спецов и учил «левых» коммунистов учиться хозяйствовать у буржуазных организаторов производства *).

*) Кстати, ту апрельскую (1918 г.) речь т. Ленина с которой — по-Осинскому — началось грехопадение т. Ленина. помнит не только т. Осинский, но и т. Ленин. Он перепечатал ее ровно через чытыре года, в апреле 1922 г., и в специальном предисловии к этой перепечатке написал: «В большой своей части это старое в данном случае даже вовсе не устарело, хотя прошло четыре года необычайно бурного и быстрого революционного развития... Перепечатка старой брошюры 1918 г. небезполезна теперь, ибо тогдашние споры помогают многое уяснить в теперешних задачах нашей партии. Такие речи, как речи т.т. Преображенскбго, Осинского, Ларина на XI с'езде партии в прениях по докладу Ц. К., показали наглядно, что внимание очень многих и очень видных руководящих работников партии устремление не туда, куда следует его устремить. «Гвоздь» задач нашей политики определен в этих речах неправильно Я надеюсь. что мне удастся побеседовать об этом с читателями подробнее в недалеком будущем». Некоторым товарищам, видимо, и невдомек, что статьи о Рабкрине есть частичное выполнение этого обещания тов. Ленина «побеседовать подробнее» с товарищами, которые определяют «неправильно» «гвоздь нашей политики» и которые «устремляют свое внимание не туда, куда следует его устремить». Куда «устремляет» свое внимание т. Осинский, мы увидим ниже.

(Цитата из брошюры: В. Ленин. «Старые статьи на близкие к новым темы». 1922 г. Курсив мой.).

В проблему упрочения и укрепления Советской власти России т. Ленин вводит, сравнительно с весной 1918 г., три новых элемента, ибо эти три элемента созданы самою жизнью, и было бы величайшей глупостью их не замечать или не принимать в расчет при построении политики и стратегии партии.

Первый элемент—замедленное движение пролетарской революции на Западе. Т. Ленин прямо указывает на то, что «завершение развития Европы к социализму совершается не так, как мы ожидали раньше», и призывает рассчитывать на тот худой конец, если нам придется «обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контр-революционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком».

Второй элемент, это—выяснившийся на опыте нашего 5-летнего хозяйствования угрожающе-медленный рост восстановления промышленности, отстающей от роста сельского хозяйства.

«Мы едем, пишет т. Ленин, на лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, на лошади экономии, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну».

С тем бесстрашием мысли, которое неоднократно спасало партию и революцию, т. Ленин указывает, что пересесть с этой лошади на пролетарского рысака мы сможем «только тогда», если научимся «ценою величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве» создавать сбережения («малейшие сбережения», пишет тов. Ленин) и вкладывать их в развитие нашей крупной машинной индустрии.

И, наконец, третий элемент: опять-таки на опыте выяснившаяся и доказанная негодность нашего аппарата, негодность политическая, поскольку этот государственный аппарат является связующим звеном между держащим в своих руках власть пролетариатом и многомиллионным крестьянством; негодность экономическая, поскольку аппарат этот разоряет нас и поглощает те, именно, сбережения, на основе которых только и возможно восстановление промышленности.

Мы вступили в трудную эпоху рабочей страды; мы должны уметь продержаться годы до нового мирового кризиса, формы которого, вероятно, будут не те, которых мы ждали в 18—19 годах. Мы должны во что бы то ни стало удержать и укрепить доверие крестьянства, не имея покуда возможности использовать для этой цели рессурсы хилой промышленности. Мы должны научиться ездить на той лошади, которая дана нам всем социально-экономическим укладом Восточно-Европейской равнины. Мы должны особенно внимательно следить и особенно тщательно заботиться о тех аппаратах, органах и проводах, которые связывают город и деревню. Мы должны для этого как можно тщательнее и внимательнее заняться нашим государственным аппаратом и реорганизовать его сообразно политическим задачам величайшей трудности, стоящими перед нами. «Лишь посредством максимальной чистки нашего аппарата, посредством максимального сокращения всего, что не абсолютно необходимо в нем, мы в состоянии будем удержаться наверняка». Я предлагаю начать это последнее дело с того

конца, который называется Рабкрином и Центральной Контрольной Комиссией.—Вот звенья мысли т. Ленина.

«Вот как я связываю в своих мыслях общий план нашей работы, нашей политики, нашей тактики, нашей стратегии с задачами реорганизованного Рабкрина. Вот в чем для меня состоит оправдание тех исключительных забот, того исключительного внимания, которое мы должны уделить Рабкрину... Вот о каких высоких задачах мечтаю я для нашего Рабкрина».—Так заканчивает т. Ленин свою статью.

Т. Ленин не мечтатель. Я совершенно уверен, что в лексиконе т. Ленина слова: мечта, мечтание и мечтать—совсем редки. Когда я дочитал статью т. Ленина и дошел до этих заключительных строк, до слов о том, о чем мечтает т. Ленин, я вспомнил, как 20 лет тому назад подобная же фраза о мечте т. Ленина с неслыханной силой ударила в сердце партийных работников.

В 1902 г., в книге, которая создала эпоху в развитии нашей партии, т. Ленин, защищая план создания обще-российской рабочей газеты (двадцать лет тому назад масштабы и задачи были поменьше нынешних!), писал: «эта газета стала бы частичкой громадного кузнечного меха, раздувающего искры классовой борьбы и народного возмущения в общий пожар. Вокруг этого самого по себе очень еще невинного и очень еще небольшого, но... общего дела систематически подбиралась и обучалась бы постоянная армия испытанных борцов. По лесам или подмосткам этой общей

организационной постройки скоро поднялись и выдвинулись бы из наших революционеров Желябовы и из наших рабочих—русские Бебели, которые стали бы во главе мобилизованной армии и подняли весь народ на расправу с позором и проклятием России. Вот о чем нам надо мечтать!—«Надо мечтать!»—написал я эти слова и испугался» (Н. Ленин. Что делать?).

Тогда т. Ленин «испугался» окриков оппортунистической ограниченности «самых пыльных углов» тогдашней партии. Не знаю, «испугался» ли бы теперь тов. Ленин грозных упреков за свои «мечты» об удержании и укреплении Советской власти путем союза с крестьянством, «сбережений» в целях восстановления крупной промышленности, «умения торговать», «учебы», радикальной чистки госаппарата и т. д. со стороны «истинных защитников пролетарской диктатуры». Их ведь теперь у нас не мало.

Мы видели, как т. Осинский выступает в «защиту» рабочих и «ключей от нашего хозяйства», которых т. Ленин склонен передать под контроль и в руки буржуазных спецов.

Мы знаем, как анонимная платформа, цитируемая т. Осинским, весьма строго выговаривает т. Ленину за «крайне характерное и весьма опасное выступление (на XI партсъезде) против преклонения перед ролью рабочих в хозяйственном строительстве и против коммунистического чванства».

Мы знаем, как эта платформа, знакомая т. Осинскому, фактически проповедует ликвидацию партийной диктатуры под весьма левым флагом охраны партии

и рабочего класса от соблазна «власти, как самоцели» в стране, в которой диктатура пролетариата неизбежно должна маневрировать и считаться с давлением крестьянской массы.

Кстати, разве не характерно, что для этой, видимо, хорошо знакомой т. Осинскому платформы, с ее ликвидаторско-меньшевистской сущностью, прикрытой левыми фразами, не нашлось у него другой характеристики, как указание на неудачность одного из заключающихся в этой платформе предложений.

То, что тов. Осинский скромно считает «совершенно неудачным предложением», выражено в этой, небезызвестной т. Осинскому, платформе в следующих словах: «Центр тяжести работы партии и партийных учреждений должен быть перенесен из госорганов в самодеятельные организации трудящихся (профсоюзы, кооперативы, культурно-просветительные кружки и т. д.). Необходимо открыть действительный, широкий, беспрепятственный доступ беспартийным вообще, беспартийным интеллигентам и квалифицированным работникам, в частности, на все советские должности, в том числе и на выборные: речь в данном случае идет о том, чтобы уничтожить монополию коммунистов на ответственные места, лишить партбилет значения патента».

Разве одно это предложение весьма «левой» платформы, упрекающей т. Ленина в опасных, оппортунистических выступлениях, не показывает, что в известных кругах партии, под весьма левым флагом развивается тенденция, ведущая к превращению партии

из партии властвующей в кружок пропагандистов. Разве не характерно, что тов. Осинский усмотрел здесь только «совершенно неудачное предложение», просмотрев за этим не только «неудачным», но просто неумным предложением настроение и тенденции, ведущие к гибели и партию и Советскую республику.

Разве под этим предложением так уже трудно заметить противопоставление Советского государства и рабочего класса, противопоставление, которое ныне составляет основную идею меньшевизма и которое легко может принимать самую «левую», радикальную форму противопоставления классовых интересов пролетариата и едущего на мужицкой лошади Советского государства, но которое от этого не становится ни на каплю менее вредным для партии и для развития революции.

Разве мы в первый раз слышим из «самых пыльных углов нашей партии» попреки в «крестьянофильском уклоне» и разве для партии, прошедшей уже 25-летнюю школу борьбы с самыми тонкими и искусными подделками под революционный марксизм, трудно будет установить ликвидаторскую сущность подобных настроений даже тогда, когда они гордо напяливают на себя так мало идущее к ним облачение «коммунистической реакции»?

Разве, наконец, мы не должны быть благодарны т. Осинскому за то, что он этим неоформленным, а иногда недодуманным до конца настроениям придал достойную принципиального спора форму нападения на «старинную идею» тов. Ленина, «берущую начало в

его апрельской речи 1918 г.», и на его выступления, «идущие непрерывной цепью» с этого времени и до последней его статьи?

Вам хочется напомнить, что—несмотря на «глубокое и искреннее уважение»,—вы с 1918 г. предупреждали партию против попытки т. Ленина «передать хозяйственное строительство в чужие руки, в руки более культурной буржуазии, или буржуазной интеллигенции», против его стремления «передать им решающее влияние в нашей промышленности в целом», против недооценки т. Лениным роли рабочих в государственном строительстве, против сдачи выходцам из чужого класса «ключей от нашего хозяйства».

Что же, давайте спорить на этой почве.

Доказывайте, что в этом была с весны 1918 г. линия т. Ленина, а за ним и всей партии, а не в том, чтобы,—трезво учитывая отсутствие твердой базы в разоренной промышленности и преобладающее значение крестьянского хозяйства в общей экономике страны,—удержать и укрепить Советскую власть и диктатуру пролетариата путем завоевания доверия крестьян, путем быстрейшего усвоения высших достижений буржуазной техники, путем сплочения партии не вокруг самой «левой» политики, а путем проведения такой политики, которая помогла бы пролетариату удержаться у власти в неслыханно-трудных условиях разоренной крестьянской страны и замедления европейской революции.

Но что же сделал со всем этим кругом идей т. Ленина—т. Осинский?

Ему, которому пришлось со «старинной идеей» т. Ленина полемизировать с 1918 г., показалось неуместным проследить ту длинную цепь соображений, которые привели т. Ленина от общей мысли апрельской речи 1918 г. и брошюры «О левом ребячестве и мелкобуржуазности» к практическим предложениям о чистке госаппарата, о Рабкрине, ЦКК и ЦК.

Напомнив ошибки т. Ленина, т. Осинский, этот любитель строгих конституционных форм, немедленно противопоставил мыслям т. Ленина, имеющего дело с громадными социальными пластами, рассчитывающим на миллионные массы, на отношения, определяющие сознание миллионов, свои очень чинные, очень тонко обструганные и вполне кабинетские мысли о том, сколько человек должно быть в Исполнительной Коллегии ЦК, и сколько раз эта Исполнительная Коллегия должна заседать; сколько членов из этой Коллегии должны состоять в то же время членами Совнаркома; сколько должно быть замов и на какой срок должен созываться ЦИК. «Было бы довольно нетрудно показать, что все технические нестроения нашего центрального аппарата, помимо нашей нищеты, проистекают из того, что обрисованная выше единственно рациональная конструкция не применяется» (вследствие «чисто личных и случайных обстоятельств» — говоря словами т. Ленина), так заявляет т. Осинский.

Самолюбование своими юридическими формулами и «рациональными конструкциями» есть, как известно, отличительная черта любителей конституционализма— увы—не только в буржуазных странах!

Три словечка: «помимо нашей нищеты»—и кивок на «личные обстоятельства» вскрывают всю глубину мысли и рецептуры т. Осинского. А не зависят ли и технические и всякие другие нестроения (не о технических недочетах идет речь у тов. Ленина, а совсем, совсем о другом) не только от нищеты и «личных обстоятельств» (одно это сопоставление чего стоит!), но и от классового строения Советской республики; и от того, что мы не сможем пересесть и, вероятно, еще долго не сможем пересесть с крестьянской лошади на промышленного рысака; и от вытекающей отсюда постоянной необходимости маневрировать, и от замедления революции в Европе, и от колебаний в наших рядах, болезненно переживающих переход от революционных праздников к революционным будням? И сможет ли все это быть покрыто «рациональной конструкцией» т. Осинского?

Всяческая «рационализация», конечно, необходима, и партийному Съезду придется обсудить и состав, и количество членов ЦК, и количество его заседаний, и состав работников, командированных в Совнарком, и т. д. и т. п. Но единственно чего, надо думать, партия не позволит—это под видом «рациональной конструкции» проводить линию политической ревизии ленинизма, каким бы флагом эта ревизия ни прикрывалась.

21 марта 1923 г.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

Ты сердишься, Юпитер...

§ 1. Темы Осинского и тема спора.

Тов. Осинский признает, что в своей первой статье он говорил о двух темах: 1) о том, как надо строить наше хозяйство, и 2) о том, как надо реорганизовать аппарат ЦК. Вторую тему (о реорганизации ЦК и его работы) я оставил в стороне, специально оговорив в начале же моей статьи, что мне представляются «характерными и важными» не практические предложения тов. Осинского, а его рассуждения о методах нашего хозяйственного строительства и его изложение и критика некоторых идей тов. Ленина в этой именно области. Именно потому, что я специально оговорил, точно обозначил, о чем я собираюсь спорить с тов. Осинским, странным кажется мне попытка тов. В. Смирнова уязвить меня тем, что в моей статье нет ничего о Рабкрине, о районировании и о «реформе Совнаркома». «Реформа ЦК», «реформа Совнаркома»,—все это важные темы; для тов. Осинского и тов. Смирнова они настолько интересны, что именно ради публичного обсуждения этих тем они взялись за перо. Но, уважаемые товарищи, Осинский и Смирнов,—нет еще такого партийного закона, по

*) См. «Правда» № 82, от 15 апреля за 1923 г.

которому я, желая поговорить с товарищами о ваших неправильных представлениях об основных идеях ленинизма, обязан был бы, заодно, публично обсуждать совместно с вами состав ЦК, состав Совнаркома, характер работ Политбюро, количество замов, работы пленума и «исполнительной коллегии» ЦК. Хотя тов. Осинский и еще кое-что и очень нервно, по-моему— чрезмерно нервно относятся к этим вопросам, но я не взялся бы за перо для их обсуждения. Это—дело съезда. Съезд выслушает отчеты и критику, оценит работу и «воздаст коемужде надо». «Дискутировать» по этим вопросам я не собирался и не собираюсь. Может быть тов. Осинскому и Смирнову это и покажется странным, но по-моему эти вопросы бледнеют перед открытым тов. Осинским «грехопадением» Ленина. Только этот вопрос об идеях Ленина меня и интересует в нашей дискуссии. Во всех остальных вопросах (ЦК, Политбюро и т. п.) я охотно предоставляю тов. Осинскому и первое и заключительное слово в литературной дискуссии.

§ 2. Ленин и „хайло капиталистической щуки".

25 октября 1917 года был днем неслыханно крутого переворота во всемирной истории. Но не только. Это был также день неслыханно крутого переворота в нашей партии. Из партии ниспровергающей власть, мы стали партией организующей власть, властвующей партией. На следующий день после этого переворота у нас не стало более важного вопроса, как вопрос об организации хозяйства. Потому что революция наша

была не политической, а социалистической революцией, потому что коммунизм есть прежде всего хозяйственная система, потому что историческое оправдание социализма заключается в лучшей организации хозяйства, потому что мы первые должны были показать, что такое социализм на практике,—вопросы хозяйственного строительства с 26 октября 1917 г. стали, остались и надолго останутся основными, решающими вопросами, вопросами жизни и смерти для нашей партии. Правильная или неправильная линия в этом вопросе не есть частность. Она решает все. Какова же была в этом вопросе по представлению тов. Осинского линия тов. Ленина?

Послушаем тов. Осинского.

«Идею» тов. Ленина Осинский формулирует так: «Хозяйственное строительство надо делать чужими руками, руками более культурной буржуазии или буржуазной интеллигенции». Эту «идею» тов. Ленин стал развивать—по Осинскому—с апреля 1918 года, т.-е. почти буквально на второй день после революции. Чтобы представить себе истинное содержание и объем этой «старинной идеи Ленина» следует присмотреться к тем возражениям, которые направляет против нее тов. Осинский. «Нельзя,—пишет тов. Осинский, возражая против идеи Ленина,—нельзя передать им (буржуазии и буржуазной интеллигенции—Л. К.) решающее влияние в нашей промышленности в целом, а революционно-пролетарский элемент отвести на позицию контроля. Это было бы практически потерей ру-

ководящих позиций рабочей диктатуры в области экономической».:.

Итак. «Старинная идея Ленина», провозглашенная им на второй день после Октября и поддержанная затем «непрерывной цепью» выступлений, заключает в себе такие элементы, которые ведут в «потере руководящих позиций рабочей диктатуры».

Запомним это, ибо это несомненно бросает кое-какой свет на «старинную идею Ленина».

Продолжая ее разбор, тов. Осинский выражает полное согласие на «использование спецов», но опять-таки предупреждает нас, что «идея Ленина», хватает много дальше, и, отсекая вредные элементы ленинской идеи, пишет: «но (!!) сдавать им (спецам) ключи от нашего хозяйства... нет, этого нельзя делать и сейчас», как нельзя было делать этого и весной 1918 г., когда Ленин, повинуясь своей «идее», хотел было—по Осинскому—«сдать ключи» Мещерскому. Правда с Мещерским Ленин «обжегся»: вместо того, чтобы сдать ему «ключи», пришлось тов. Ленину посадить его «под ключ». «О, дети, дети, как опасны ваши лета», приговаривает по этому поводу строгий тов. Осинский: не догляди вот за тов. Лениным, а он из правильной мысли об использовании спецов и сделает вывод о «сдаче ключей» и, того гляди, попадет в хайло к капиталистической щуке.

Это капиталистическое хайло, к которому неизбежно ведет «старинная идея Ленина», в первой статье тов. Осинского фигурировало лишь в виде предостерегающего примера Мещерского. Во второй статье, как бы

для завершения картины, это «хайло», как и следовало ожидать появилось в своем натуральном виде. Не надо,—говорит здесь тов. Осинский,—«бросаться в хайло капиталистической щуке, как, повидимому (?!), предлагают воспринимающие тактические идеи тов. Ленина на все 100 проц.—Каменев и Зиновьев».

Этот художественный мазок поистине великолепно заканчивает изложение Осинским «старинной идеи Ленина». Если воспринять тактические идеи тов. Ленина «на все 100 проц.», то по тов. Осинскому, обязательно попадешь в хайло к капиталистической щуке. Как жаль, что тов. Осинский не сказал тут же, каким процентом идей Осинского надо разбавить идеи Ленина, чтобы предохранить себя от этого неприятного происшествия!!! Ну, мы с тов. Зиновьевым люди отпетые и на человеколюбие тов. Осинского не имеющие права претендовать! Но и кроме нас есть в партии некоторое количество товарищей, воспринимающих идеи Ленина «на все 100 проц», и всем им угрожает опасность, что эти идеи приведут их прямехонько в щучье хайло. Их бы хоть пожалел тов. Осинский...

Но шутки в сторону,—«мы, ведь, не в бирюльки играем, а рассуждаем о судьбах величайшей в мире революции»,—и посмотрим, что же получилось у тов. Осинского. А получилось вот что: на другой день после Октября в самом основном вопросе о том, как строить наше хозяйство, тов. Ленин выставил положение, занял позицию, которая вела и ведет практически к «потере руководящих позиций рабочей диктатуры», к «сдаче ключей» Мещерским и ему подобным,

к тому, чтобы бросить пролетариат в «хайло капиталистической щуке».

Тов. Осинский очень сердится по тому поводу, что подобное представление идей Ленина, подобное изложение их, подобную «критику» их я назвал «ревизией ленинизма». Он долго возится по этому поводу с распределением идей на «руководящие» и «конкретные». Но я надеюсь, что тов. Осинский согласится со мной на следующем положении: если тов. Осинский правильно изложил идею тов. Ленина о том, как строить нам хозяйство, если правда, что эту, именно, идею тов. Ленин развивает в «непрерывной цепи выступлений» с весны 1918 года вплоть до статей о Рабкрине, если правильно, что она ведет практически к тем выводам, которые указал в своей критике тов. Осинский, то ей следует уделить ровно столько внимания, как если бы она была по всей форме «руководящей». Не правда ли, тов. Осинский и тов. Смирнов?

Ведь не о пустяках же идет речь. Перед лицом партии один из ответственнейших товарищей доказывает, что вождь партии с 1918 г. проповедует идеи, ведущие на практике к «сдаче ключей» буржуазии, к недооценке роли рабочих в хозяйстве, к капитуляции перед щучьим хайлом. Он доказывает также, что именно эти идеи лежат в основе практических предложений Ленина XII съезду.

Тут надо выбирать.

Или это верно. Тогда прав тов. Осинский. Тогда необходима ревизия, пересмотр этой идеи. Тогда надо

бить в набат. Тогда надо удивляться не выступлению тов. Осинского, а тому, как это партия до сих пор не заметила, что ее с апреля 1918 г. тащили и до сих пор тащат в «щучье хайло». Тогда надо отвергнуть без рассуждений всю комбинацию из ЦК, ЦКК и РКИ, ибо вся эта хитроумная постройка придумана, как показал тов. Осинский, лишь для прикрытия давно подготовлявшегося отхода с «позиций рабочей диктатуры».

Или это неверно. Неверно, что Ленин с апреля 1918 г. пропагандирует строительство коммунистического хозяйства руками буржуазии помимо пролетариата. Неверно, что он недооценивает роли рабочих. Неверно, что задачу партии он видит лишь в сохранении за собой аппарата политической власти и создания аппарата контроля при передаче хозяйства буржуазии. Неверно, что он не понимает опасности для партии повиснуть в воздухе, если из ее рук уйдет практика хозстроительства. Неверно, что из его идей о методах хозстроительства вытекает «сдача ключей» буржуазии. Неверно, что воспринять тактические идеи Ленина на все 100 проц. значит попасть в щучье хайло. Тогда подобное изложение идеи Ленина надо назвать «ревизией ленинизма». Тогда надо вспомнить, что ревизия Бернштейна тоже начиналась с извращения марксизма и с критики этого извращенного под известным углом зрения марксизма. ращенного под известным углом зрения марксизма. Тогда надо понять, что истолкование тов. Осинским Ленина и критика его есть некий симптом опаснейших

внутрипартийных процессов. Тогда нужно твердо запомнить одно дело—идеи Ленина, как они есть, и другое дело—те же идеи, как они отразились в голове тов. Осинского.

§ 3. Осинский излагает „конкретные“ предложения Ленина и его учеников.

Тов. Осинский написал свою вторую статью, чтобы доказать, что он ленинизма не ревизует. Если бы это ему удалось я был бы очень рад: я предпочитаю одного неревизующего Ленина товарища десятку ревизующих.

Но—увы!—т. Осинский ведет свою защиту до ужаса беспомощно. Судите сами.

Тов. Осинский признает «глубочайшей истиной» и «основной идеей ленинизма» следующее положение: «нельзя отвергать, отбрасывать буржуазную культуру; надо использовать все ее положительные силы». Он заявляет, что—ни капли не сомневается в правильности этого «принципа»—и критикует лишь «конкретно выражение», которое придал этому правильному принципу тов. Ленин. «Если нам говорят: предоставим буржуазии управлять хозяйством, а сами будем контролировать и на контроле учиться, тогда мы говорим, нет, эта конкретизация основного лозунга неправильна, хотя бы выставлял ее и сам тов. Ленин». Так излагает Ленина наш строгий критик.

Подумайте же, тов. Осинский, что у вас выходит? Выходит, что тов. Ленин из своей «основной» идеи о том, что «надо использовать все положительные си-

лы буржуазной культуры» сделал конкретный вывод: «Предоставим буржуазии управлять хозяйством». Хороша «конкретизация»! Многого стоит «принцип», из которого выводится такой конкретный вывод! И чего стоит логика человека, который способен из положения «надо использовать буржуазию», перейти без сучка, без задоринки к этакому «конкретному» выводу: «Предоставим буржуазии управлять хозяйством!» И кто же, тов. Осинский, не только из членов партии, но просто из грамотных людей поверит вам, что Ленин действительно проделал такую «конкретизацию».

Но тов. Осинский уверен, что действительно вскрыл основной грех ленинского подхода к делу хозяйственного строительства, и потому немедля переходит в наступление. «Спросим в упор тов. Каменева, как вы-то, собственно, относитесь к этой мысли?»,—т.-е. к мысли «предоставить буржуазии управлять хозяйством».

Отвечаю: я отношусь к «этой мысли» по Гегелю, дорогой товарищ. А Гегель учил: серьезное отношение к смешному есть смех. Вот так я и отношусь к «этой мысли». И я уверен, что вместе со мной так же относятся к «этой мысли» 99 сотых партии. Да и как же иначе отнестись и к тому факту, что тов. Ленину вкладывают в уста предложение: «предоставим буржуазии управлять хозяйством, а сами будем контролировать и на контроле учиться», и к самому существу «этой мысли», и к тому, кто эту мысль называет «конкретной», кто ее способен считать ничем иным как ошибочной «конкретизацией» правильного принципа.

Тов. Осинский не затруднился привести ровно четыре причины неправильности «этой мысли», которую он считает мыслью тов. Ленина. Я думаю, что можно без труда привести еще четыре десятка подобных доказательств: но что т. Осинский трудился над своими доказательствами напрасно, по сути дела достаточно было бы одного единственного доказательства. В самом деле. Что это, собственно, значит: «предоставим буржуазии управлять хозяйством?» Это или ничего не значит, или—если не швыряться зря словами—то значит: «отменим-ка Октябрьскую революцию».

И тов. Осинский хочет нас уверить, что «эта мысль» есть ленинская «конкретизация» ленинской основной идеи. Он хочет нас уверить, что подобное изложение Ленина не есть извращение, не есть ревизия ленинизма. Что же, за малых ребят, что ли, принимает тов. Осинский своих читателей?

Совершенно естественно, что приписав указанную выше «мысль» тов. Ленину, тов. Осинский уже безо всякого труда приписывает эту «мысль» и мне. Тут любопытны не обвинение само по себе, а именно аргументация тов. Осинского.

Послушаем. «Именно потому,—пишет Осинский,—что тов. Каменев назвал свою статью «ревизией ленинизма», именно потому, что он нас может бичевать только за ревизию этой мысли, именно потому, что он во всем, до последней буквы, «до отказа»—верный ученик тов. Ленина, мы можем, мы обязаны понять его только так:... в виду всего этого надо «предоста-

вить» буржуазии строить для нас хозяйство, а самим «наблюдать и учиться», держа в своих руках: а) аппарат политической власти, б) аппарат контроля. Так или не так тов. Каменев?»

Все это рассуждение, как видите, характерно отнюдь не для Каменева, а именно для тов. Осинского: стоит только во всем следовать Ленину и обязательно попадешь к буржуазии. Этакие страсти! «Так или не так, тов. Каменев?» спрашивает меня строгий и сердящийся тов. Осинский.

Нет, не так, товарищ. Из всех тех обстоятельств, которые привел я вслед за тов. Лениным, а вы за мной (благодарю за точность передачи), ярче подчеркивающей нелепость навязываемого вами Ленину, а вслед за Лениным и мне вывода, следует,—если рассуждать по Ленину, а не по Осинскому, конечно,— не это, не передача управления хозяйством буржуазии, а следует вот что: 1) надо приближать партию к руководству хозяйственной жизнью страны, а для этого неустанно учиться хозяйствованию, 2) надо помнить, что отрыв партии от хоз. строительства угрожает обесплодить партию, 3) надо добиваться, чтобы хозяйственный опыт партии в целом рос вместе с ростом и усложнением хоз. задач, стоящих перед Советской властью, 4) надо бороться с отрывом хозяйственников от партии и решительно выступать против с разных сторон выступающих тенденций в сторону увеличения «автономности» хозорганов от партии. Таков ответ на роль партии в хозяйственном строительстве, который даю я и который, по моему

докладу, дала в известной резолюции московская губпартконференция.

Я уверен, что это есть ответ, обязательный для всех, «воспринимающих тактические идеи тов. Ленина на все 100 проц.», для всех «принимающих всякую мысль (м ы с л ь!—тов. Осинский) Ильича за чистую монету». Тов. Осинский считает за особую доблесть не принадлежать к этой категории. Наоборот. Он считает своим долгом предупредить партию, что принять Ильичевские мысли (м ы с л и!—т. Осинский) за «чистую монету», а Ильичевские идеи—«на все 100 проц.» —значит взять курс на буржуазию.

Именно поэтому, вероятно, тов. Осинский упрекая тов. Ленина и тех, кто «всякую мысль Ильича принимает за чистую монету», в готовности «предоставить управление хозяйством буржуазии»,—сам-то в своих «практических предложениях» обошел начисто вопрос об усилении партийного руководства хозорганами, сам-то не нашел ни словечка осуждения тем тенденциям, которые ведут к отрыву сов. и хоз. органов от партии.

§ 4. Политические тенденции ревизионизма.

Чем дальше в лес—тем больше дров,—так можно было бы подытожить защитные аргументы тов. Осинского, и на этом пока остановиться. Но тов. Осинский усиленно добивается критики его соображений о Политбюро, Совнаркоме и прочих весьма существенных вещах, к моей теме, впрочем, имеющих лишь косвенное отношение. Уступая настояниям моего оппонента, скажу поэтому лишь несколько слов о политической

тенденции, лежащей в основе предложений т. Осинского о ЦК и Совнаркоме. Политический смысл этих предложений состоит, кратко говоря, в том, чтобы 1) ослабить руководящую роль верховных партийных инстанций по отношению к советским и хозяйственным инстанциям и 2) увеличить «самостоятельность» последних от первых. Против этого говорят два основных политических довода: 1) в обстановке нэпа влияние мелкобуржуазной стихии, прежде всего, сказывается именно на хозяйственных и управляющих аппаратах. Ослабление руководства партией этими аппаратами угрожало бы их вырождением, ослабило бы их силу сопротивления многообразному, систематическому и неизбежному давлению окружающей стихии нэпа. Гарантия того, что эти аппараты, несмотря на нэп и вопреки нэпу, останутся орудием пролетарской диктатуры, а не переродятся незаметными переходами—по сменовеховскому рецепту—в орудие другого класса или блока других классов,—только в постоянном руководстве ими партией; 2) точное разграничение областей партийной и советско-хозяйственной возможно было бы лишь на почве строго-плановой работы советских и хозяйственных учреждений. Если бы у наших хозяйствующих органов мог быть р е а л ь н ы й план их годовой, или даже полугодовой, или хотя бы трехмесячной работы, роль ЦК естественно свелась бы к совместной выработке этих планов, к их исправлению в исключительных случаях и к проверке их выполнения. Но мы все знаем, что именно в ц е н т р е, в общереспубликанском масштабе этих планов нет.

(На местах, сообразно более мелкому масштабу, дело обстоит, естественно, лучше). Не секрет, что нам еще не под силу не только годовой или полугодовой, но даже—увы... месячный бюджет. При этих условиях крики против «вмешательства» Политбюро обозначают не защиту «плана» от дергания, знания от безграмотности и компетентных решений от некомпетентных импровизаций (см. ст. т. Красина), а просто передачу решений важнейших вопросов от политической коллегии сумме глав ведомств, не объединенных, пока, ни общим реальным, деловым п л а н о м, ни возможностью в каждый данный момент обозреть общее политическое положение.

Эти п о л и т и ч е с к и е доводы перевешивают в данный момент те административные доводы и доводы от бюрократической симметрии, которые так увлекают т. Осинского, т. Красина и т. д.

Случайно ли, что ныне у нас растут настроения в пользу ослабления партийной диктатуры, в пользу большей «независимости» хоз. и соворганов от партии? Случайно ли, что голоса за это подаются и из некоторых кругов хозяйственников и со страниц «анонимной платформы», что этим же духом веет и от «практических предложений» т. Осинского? Случайно ли, что в эту сторону устремляют свои взоры некоторые наши п о п у т ч и к и в революции, что для них, для этих попутчиков (это не лица, а социальные группы) именно из этой щ е л и веет духом надежды? Не лежат ли в основе этих реформаторских планов и этих классовых надежд некоторые социально-экономи-

ческие явления, связанные с нэпом? Не в этом ли сказывается политическое влияние нэпа? Не есть ли это, пока еще очень слабенький, намек на тот раскол между классами-попутчиками, внимательно следить за которым и предупреждать который учит нас тов. Ленин.

Размышляя над этими вопросами, не надо только смущаться тем, что эти и им подобные реформаторские идеи и настроения подносятся иногда партии под очень «левым» соусом: под видом спасения партии от капиталистического хайла, куда—по Осинскому—чуть-было не привел партию тов. Ленин, или под видом защиты чисто-пролетарской, истинно-коммунистической линии, на чем специализировался тов. Ларин.

Тов. Преображенский в № 2 «Диск. Листка» прекрасно показал, как под очень «левыми» фразами может скрываться политика, ведущая партию прямым путем к гибели. У тов. Ларина прикрытием этой гибельной политики служит критика «правого крыла», у анонимной платформы—критика «мелкобуржуазного перерождения партии», у тов. Осинского—извращение и ревизия ленинизма.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

1. ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ПАРТИИ 3

2. РЕВИЗИЯ ЛЕНИНИЗМА 59

Статья первая 61

Статья вторая. 75

НОВАЯ
МОСКВА